ПУТЬ КЪ ИСТИНѢ.

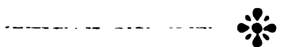
(DHAMMAPADA).

ИЗРЕЧЕНІЯ

БУДДІЙСКОЙ НРАВСТВЕННОЙ МУДРОСТИ.

ПЕРЕВОДЪ И ПРЕДИСЛОВІЕ

Н. Герасимова.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,

Пименовская ул., собствен. домъ.

1898.

Дозволено цензурою. Москва, 16 іюля 1898 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Dhammapada представляетъ собою собраніе изреченій буддійской нравственной мудрости. Названіе Dhammapada европейскими изслѣдователями священныхъ книгъ Востока переводится нѣсколько различно; одни передаютъ его какъ «путь добродѣтели» другіе — какъ «слѣды истины», «стезя истины», «путь закона» и т. д.; нетрудно замѣтить, что всѣ эти на первый взглядъ не очень близкія названія выражаютъ въ дѣйствительности только оттѣнки одного и того же общаго имъ понятія, именно понятія *пути къ истинѣ*,—того направленія мысли и жизни, которое приводитъ человѣка къ мудрости и дѣлаетъ его жизнь осмысленной и совершенной *).

*) Dhammapada, одна изъ многочисленныхъ буддійскихъ каноническихъ книгъ, по времени составленія относится самими буддистами къ эпохѣ перваго собора (вскорѣ послѣ смерти Будды, въ 477 г. до Р. X.); слѣдуетъ помнить, однако, что буддійская хронологія далеко еще не установлена, и вышеуказанное время составленія книги опредѣлено только буддійскимъ преданіемъ. Впервые оригинальный текстъ этого памятника древней буддійской нравственной философіи былъ опубликованъ въ 1855 году копенгагенскимъ ученымъ Фаусбёллемъ; съ тѣхъ поръ не пере-

«Путь къ Истинѣ»—нелюбопытный только обломокъ давней старины, покрытый прахомъ вѣковъ и извлеченный на Божій свѣтъ досужими любителями старины; на это величавое твореніе древности нельзя смотрѣть только какъ на писанія, имѣющія свой чистоисторическій интересъ и любопытныя развѣ лишь какъ своеобразный мотивъ въ психологіи мысли иноплеменныхъ намъ народовъ, съ ихъ оригинальными нравами, съ ихъ иною культурою, далекою и вполнѣ чуждою намъ. Значеніе этого памятника восточной мудрости несравненно глубже: «Путь къ Истинѣ» принадлежитъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя равно цѣнны для всѣхъ культуръ и всѣхъ народовъ и никогда не теряютъ сво-

---

стаютъ появляться переводы его на европейскихъ языкахъ; главнѣйшіе изъ нихъ: на нѣмецкомъ языкѣ А. Вебера (68 г.), Шрёдера (92 г.), К. Неймана (93 г.), на англ. яз. Максъ Мюллера (1-й перев. 70 г., 2-й перев. 81 г.), Грэя (81 г.), на франц. Ф. Хю (78 г.). Предлагаемый ниже переводъ сдѣланъ нами съ авторитетнаго англійскаго перевода Максъ Мюллера (81 г.) при тщательномъ сличеніи съ новѣйшимъ нѣмецкимъ переводомъ Неймана (93 г.). Для читателей, не знакомыхъ съ философіей буддизма, естественно, нѣкоторыя мѣста текста будутъ не совсѣмъ понятны; мы рѣшили, однако, не дѣлать подстрочныхъ пояснительныхъ примѣчаній, въ виду того, что на этомъ пути очень трудно, почти невозможно, найти должную золотую середину: всегда рискуешь дать слишкомъ много вовсе ненужнаго однимъ читателямъ и слишкомъ мало и невразумительно другимъ. Это соображеніе вполнѣ извиняетъ переводчика, и тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ есть переводъ прекрасной книги Ольденберга („Будда, его жизнь, ученіе и община“), гдѣ ясно, обстоятельно и живо изложена буддійская философія. Древняя восточная литература, богатая глубокою мыслью, вдохновеннымъ прозрѣніемъ и чистотою нравственнаго ученія, въ настоящее время

его великаго, можетъ быть, общечеловѣческаго значенія. Есть «вѣчныя слова», обращенныя не къ одному исключительно моменту времени, не къ одному народу, не къ одной лишь исторической эпохѣ; ихъ значеніе и смыслъ непреходящи; ихъ истины — истины міровыя, всеобъемлющія, независимыя отъ условій времени и мѣста, но обращенныя въ своей безсмертной правотѣ ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ народамъ. Къ такимъ то «вѣчнымъ словамъ» принадлежитъ и «Путь къ Истинѣ».

* * *

«Двѣ есть радости, ученики», — говорилъ Будда: «радость, близкая міру, и радость, чуждая ему, —

тщательно изучается многими выдающимися языковѣдами, между которыми родные намъ имена Минаева, Васильева занимаютъ всѣми признанное почетное мѣсто. Помимо обширной литературы и спеціальныхъ журналовъ, посвященныхъ изученію предмета, учеными спеціалистами предпринято капитальное изданіе переводовъ древнихъ религіозныхъ и философскихъ книгъ Востока на англійск. яз. подъ общимъ названіемъ „Sacred Books of the East". (Веды, Веданта - Сутры, Упанишады, Зендъ - Авеста, Буддійскій Канонъ, книги Ману, китайскія священныя книги и т. дал.) Отсутствіе подобныхъ переводовъ составляетъ положительно пробѣлъ въ нашей образовательной литературѣ, и это тѣмъ болѣе жалко, что, видимо, сама исторія сближаетъ насъ съ азіатскимъ Востокомъ, съ культурой котораго поэтому мы болѣе, нежели кто-либо иной, должны бы быть знакомы.

Настоящій переводъ мы сдѣлали въ предположеніи, что всякое мудрое слово, отъ кого бы оно ни исходило, должно быть дорого намъ, если мы дѣйствительно любимъ мысль; думаемъ также, что между чистофилософскимъ интересомъ къ буддизму и безсмысленнымъ поклоненіемъ искалѣченному, жалкому „необуддизму" — непроходимая бездна.

вотъ эти двѣ радости, ученики; высшая же изъ нихъ та, которая чужда міру». Разъясненіе ничтожества обычныхъ нашихъ утѣхъ и наслажденій, этой радости, «близкой міру», и указаніе пути, который ведетъ къ пріобрѣтенію высшаго, ничѣмъ невозмутимаго, непреходящаго счастья, той иной радости, которая «чужда міру»,—и составляетъ содержаніе нашего памятника. То постиженіе смысла жизни, правды ея, къ которому настойчиво и тревожно стремятся люди, есть утвержденное на сознаніи ложности и печали обычной жизни постиженіе ея *должнаго*, уразумѣніе ея положительной *истины*. Моментъ этого постиженія разрѣшается въ радости души, освободившейся отъ мукъ исканія и обрѣтшей полное неизмѣнное успокоеніе.

Не всѣмъ, не легко доступна истина, сокровенное познаніе правды міра и жизни. Безплодно — идти на поиски истины съ порочнымъ сердцемъ, съ умомъ, поглащеннымъ суетными заботами. Безконечно чистая, она не откроется похотливому сердцу, не снизойдетъ до низкаго человѣка; лишь непорочная, чистая душа, возлюбившая истину всецѣло и безкорыстно, удостоится въ радостномъ откровеніи ея привѣта, ея призванія. «Открою ли я міру постигнутое мною въ тяжеломъ испытаніи? Недоступна истина тому, кто преданъ похоти и ненависти, не узритъ ее, глубоко сокровенную и тайную, тотъ, чей духъ несовершенъ, кто омраченъ земными суетными помыслами»... Такъ изрекъ Совершенный, разрушившій всѣ узы смерти, послѣ долгихъ уединенныхъ размышленій постигшій истину и несшій людямъ вѣщее слово освобожденія.

Великое слово истины, возглашенное Буддой, есть ученіе о путяхъ уничтоженія земного страданія, объ угашеніи страстей и похоти, объ обновленіи духа въ мудрости и свѣтломъ пониманіи. Нѣкогда его благородное сердце исполнилось великою скорбью: онъ глубоко сознал все безконечное горе жизни людей, измученныхъ своими грѣховными страстями, ненавидящихъ, враждующихъ, недужныхъ, озлобленныхъ, влачащихся въ земной пыли и грязи. Эта искренняя, человѣчная скорбь заставила его углубиться въ разысканіе міровыхъ причинъ неугаснаго людского страданія; онъ не могъ остаться при одномъ пассивномъ состраданіи, не могъ удовлетвориться возможнымъ бы облегченіемъ страдающихъ въ томъ или иномъ частномъ случаѣ,—онъ шелъ глубже, искалъ самый корень этого всеобщаго страданія, дабы, указавъ его людямъ, указать такимъ образомъ всеобщее и неизмѣнное исцѣленіе. И этотъ корень страданія Будда нашелъ въ той смертоносной тьмѣ невѣдѣнія, которая поработила людей, отдавъ ихъ, смущенныхъ и колеблющихся, не имущихъ въ своемъ разумѣ водящаго свѣта, во власть стихійныхъ силъ бытія, во власть «похоти и тѣлесности». Чтобы найти неизмѣнное успокоеніе, навсегда «угасить» себя для суетной жизни съ ея страстями, страданіями, злобой, и возвысившись надъ мимолетнымъ и тлѣннымъ, обрѣсть вѣрное, непреходящее счастье, человѣкъ долженъ побороть самъ себя, побѣдить свой плотскій элементъ, обычно властвующій въ нашей жизни и дающій ей основной тонъ; онъ долженъ «съ оружіемъ познанія» напасть на губительныя

узы привязанностей къ земному и, разрушивъ ихъ, дать просторъ и волю своему духу воспарить до вѣчныхъ высотъ Истины. Этотъ путь освобожденія души, стѣсненной прахомъ и его силою, путь познанія и возвышенія,—живо, ясно и наглядно изображенъ въ «Пути къ Истинѣ».

Земная жизнь, полная страданій для людей неведующихъ и порабощенныхъ, становится величавою и прекрасною, радостною и мирною, когда просвѣщенный самъ, своею искусною рукою направляетъ ея теченіе къ познанной имъ высокой и благой цѣли. «Много прекрасныхъ вѣнковъ можно сплесть изъ полной корзины цвѣтовъ; много прекраснаго можетъ внести въ свою жизнь смертный» (Dh., ст. 53). Познавши дѣйствительное значеніе жизни, мудрый уже не бросится въ ея заманчивыя, но губительныя волны, не поддастся обольщенію страстныхъ мечтаній; онъ изберетъ иной путь, можетъ быть тернистый, можетъ быть не столь легко и пріятно проходимый,—и будетъ шествовать имъ неуклонно и бодро, ясно видя предъ собою обѣтованное царство вѣчной мысли и безсмертныхъ радостей...

«Ты разгаданъ, строитель земной сѣни; ты не построишь ее болѣе. Разрушены всѣ скрѣпленія твоего зданія, разбиты верхи; душа, близкая къ вѣчному, достигла угашенія всѣхъ желаній» (ст. 154). Этотъ строитель—внутренняя стихійная сила жизни, созидающая все новые и новые соблазны, все новые и новые образы, которые легко увлекаютъ своею показною прелестью человѣка, не вѣдующаго истины, и вполнѣ порабощаютъ его. Онъ разгаданъ,

его тайная власть надъ человѣкомъ, его роковая сила поняты до глубочайшей основы мудрымъ; вся власть и сила строителя, чарующаго Мары—только слабый духъ, легко порабощаемое сердце не познавшихъ истиннаго и должнаго; властитель надъ слабыми, онъ вполнѣ безсиленъ и ничтоженъ передъ мудрецами. «Кто созналъ тлѣнность своего тѣла, кто разгадалъ его призрачную жизнь, тотъ преломитъ разукрашенныя цвѣтами стрѣлы соблазнителя, тотъ никогда не узритъ владыку смерти» (ст. 46). Мудрый установился на незыблемой скалѣ вѣрнаго знанія, обрѣлъ полную душевную свободу, сталъ истиннымъ властелиномъ жизни и открылъ въ себѣ величайшую силу; предъ такимъ свободнымъ, могучимъ, великимъ мужемъ трепещутъ стихійныя силы природы и разсѣеваются навсегда всѣ обаянія чарующаго Мары. «Кто побѣдитъ эту землю, кто поразитъ царство смерти и владычество боговъ? Кто изберетъ лучезарный путь добродѣтели, какъ благородный избираетъ прекрасный цвѣтокъ? — Познавшій истину побѣдитъ эту землю, поразитъ силу смерти и владычество боговъ. Познавшій истину изберетъ свѣтлый путь добродѣтели, какъ благородный избираетъ лучшій цвѣтокъ» (ст. 44—45).

* * *

Если для философа, взыскующаго духомъ, міръ являетъ собою вѣчно живой вопросъ, то толпѣ легкомысленныхъ людей онъ представляется только буднично-привычнымъ, обыденно-простымъ, не требующимъ вникновенія и серьезной думы. Безсильные, порабощенные, люди носятся по волѣ судьбы,

какъ несчастные живые, страдающіе челны, кидаемые по произволу то яростными, то коварно ласкающими волнами этого бурнаго моря бытія. Когда ихъ постигнетъ несчастіе, они ропщутъ и жалуются, но сейчасъ же радуются и смѣются, едва лишь улыбнется имъ судьба, забывая всѣ ея обиды, все ея непонятное издѣвательство, — они наслаждаются, не понимая, что этими новыми наслажденіями готовятъ себѣ только новыя печали: нѣтъ, они не отдаютъ себѣ отчета въ этомъ въ сущности глубоко-трагическомъ строѣ міра. «Можно ли смѣяться, можно ли беззаботно веселиться, когда весь міръ объятъ разрушающимъ пламенемъ... О, зачѣмъ не ищете свѣта вы, окруженные мракомъ»?... (ст. 146).

Въ этой долинѣ жизни, по которой блуждаетъ человѣкъ, цвѣты радости, любви и счастья окружены губительными терніями горя, обидъ, болѣзней; человѣкъ ищетъ наслажденій и въ дѣтскомъ легкомысліи стремится къ цвѣтамъ жизни, не замѣчая за ними этихъ неизбѣжныхъ терній. Мечтая хорошо и спокойно устроиться, насладиться въ нѣгахъ любви, окружить свою жизнь роскошью и богатствомъ, человѣкъ видитъ предъ собою не дѣйствительность, но только красивые призраки, созданные его мечтою, его жаждою жизни; упоенный жизненною грезою, онъ не сознаетъ близости страданій и утратъ, на время лишь притаившихся за этимъ обольстительнымъ миражемъ, который красуется предъ нимъ, влюбленнымъ въ жизнь и ея призраки, такъ заманчиво и чарующе. И то непонятное, страшное начало, — смерть, о которой всегда такъ мало думаетъ человѣкъ, неизмѣнно стережетъ его, хо-

лодная и безучастная, готовая выбросить его въ мрачную, зловѣщую ночь вѣчнаго безмолвія. «Здѣсь я буду обитать во время дождей, тамъ я поселюсь лѣтомъ,—такъ мечтаетъ безумецъ, и не помышляетъ о смерти; а она внезапно приходитъ и уноситъ человѣка, озабоченнаго, корыстнаго, разсѣяннаго, какъ наводненіе заливаетъ спящую деревню» (ст. 286—287). «Внезапно смерть настигаетъ человѣка, собирающаго цвѣты радости, беззаботнаго, настигаетъ прежде, чѣмъ онъ насытится въ наслажденіяхъ» (ст. 48). «Увы, уже скоро это тѣло будетъ распростерто на землѣ, жалкое, безпомощное, несознающее, подобное ненужному отбросу» (ст. 41). Человѣкъ знаетъ, — ничто не ждетъ его въ будущемъ съ такою роковою необходимостью, съ такой неотвратимой неизбѣжностью, какъ холодная могила, ужасающее преддверіе какого-то новаго, неизвѣданнаго, таинственнаго пути, и ни на чомъ его мысли не останавливаются такъ рѣдко и такъ небрежно, какъ именно на этомъ моментѣ, близкомъ и неотразимомъ. Болѣе того, чаще всего даже тѣ, кто достигъ старости, для кого, можетъ быть, на минуты ужъ только сократилось разстояніе до смерти, все еще охвачены жаждою плотскихъ утѣхъ и будто торопятся «жить», будто спѣшатъ насладиться пустыми радостями. «Взгляни на эту разодѣтую тѣнь, состоящую изъ ранъ, хилую, одержимую желаніями, не имущую ни силы, ни защиты. Истощено это тѣло, хилое и немощное, будто готово оно разсыпаться на куски, — жизнь въ немъ уже переходитъ въ смерть» (ст. 147 — 148). «Эта крѣпость была сдѣлана изъ костей, покрыта мясомъ и

напитана сокомъ крови, — и вотъ обитаетъ въ ней старость и смерть, гордость и высокомѣріе» (ст. 150). Весь ужасъ, все тайное значеніе смерти какъ будто ничуть не волнуютъ человѣка, и онъ не стремится предстать предъ нею во всеоружіи познанія, очищеннымъ, приготовленнымъ къ ея пришествію. «Ты подобенъ теперь увядающему листку, посланцы смерти приблизились къ тебѣ; ты стоишь у порога новаго пути и — увы! — не позаботился даже о запасахъ для дальняго странствія» (ст. 235). «Уже недалекъ конецъ, съ каждымъ днемъ ты ближе и ближе къ смерти; на новомъ пути ты не найдешь себѣ мѣста отдохновенія, — и вотъ, ты не позаботился даже о запасахъ для долгаго странствія» (ст. 237).

Человѣкъ, не разгадавшій этого жизнесмертнаго видѣнія, не принадлежитъ самъ себѣ, — его волнуютъ страстныя желанія, чарующая жажда жизни привязываетъ его къ земному и тлѣнному; онъ вполнѣ рабъ: его мучатъ заботы, болѣзненная жажда обладанія земными вещами, его гнететъ зависть къ тѣмъ, кому жизнь улыбнулась милѣе и нѣжнѣе, и жжетъ ненависть къ пересѣкшимъ намѣченные имъ пути къ земному счастью; его воображеніе заполнено картинами жизни, утопающей въ довольствѣ, въ наслажденіяхъ, ему мерещатся почетъ, слава, внѣшнее уваженіе, чудятся пиры и веселье, чувственныя ласки, утѣхи плоти, — и еще сильнѣе разжигаются его страсти, и еще крѣпче онъ самъ себя заковываетъ въ цѣпи. «Кто охваченъ этой низменной жаждой, этою жаждой, полной отравы, вокругъ того обовьются страданія подобно

бѣглорастущей павеликѣ» (ст. 335). «Я говорю вамъ вѣщее слово: вы всѣ, собравшіеся вокругъ меня, вырывайте жажду до корня, какъ искатель благовонныхъ травъ до конца вырываетъ растеніе, дабы властитель смерти не сокрушилъ васъ, какъ потокъ сокрушаетъ слабый тростникъ» (ст. 337). «Не крѣпки желѣзныя оковы, не тяжелы колодки, не мучительны веревочныя узы: такъ мыслятъ мудрые, — нѣтъ крѣпче оковъ, какъ оковы заботъ о драгоцѣнныхъ камняхъ и кольцахъ, о сынахъ и женахъ. Тѣ узы тяжки, по мысли мудрыхъ, которыя гнетутъ человѣка, которыя трудно распутать; сорвавъ эти узы, мудрые покидаютъ свѣтъ, свободные отъ заботъ, далеко за собой оставляя всѣ влеченія и услады. Рабы страстей несутся потокомъ вожделѣній, какъ паукъ несется вѣтромъ на сотканной имъ же паутинѣ; сорвавъ ее, мудрые покидаютъ свѣтъ, свободные отъ заботъ, далеко за собой оставляя всѣ страсти» (ст. 345 — 347). «Нѣтъ пламени жарче страстей, нѣтъ силковъ коварнѣе ненависти, нѣтъ узъ, горшихъ безумія, нѣтъ потока бурнѣе зависти» (ст. 251). По глубокому опредѣленію буддійской философіи, страсти, влекущія человѣка къ обладанію ощутимымъ, чувственнымъ, дающимся, — самыя тяжкія узы, которыя человѣкъ налагаетъ на свой разумъ и волю; по роковому невѣдѣнію, онъ самъ стремится къ нимъ, самъ заковываетъ себя въ эти цѣпи. Страсти манятъ человѣка къ счастью, увлекаютъ его мечтою о неизмѣнныхъ наслажденіяхъ, но, разрѣшаясь только въ краткихъ сладостныхъ мгновеніяхъ, ведутъ за собою съ неминуемой неизбѣжностью горесть несбывшихся надеждъ, раз-

очарованіе, скорбь утраты, боязни ревности. Духъ, возмущенный страстью, потускнѣвшій въ похотяхъ, никогда не отразитъ въ себѣ безконечно чистыхъ лучей истины, какъ мутныя волны никогда не отразятъ неподвижно величавыхъ, свѣтлыхъ небесъ.

«Стремителенъ, трудно преоборимъ этотъ потокъ жизни и смерти; лишь тѣ переплывутъ его, кто постигъ истину, ясно возвѣщенную, кто идетъ стезею закона» (ст. 86). Только ясно сознавъ губительныя начала въ самой жизни, человѣкъ съумѣетъ оградить себя отъ ихъ власти и въ великомъ рѣшеніи пойдетъ по пути освобожденія. «Нѣкогда, торжествуя, шумно празднуя, духъ мой стремился туда, гдѣ все радовало, все веселило, все нравилось мнѣ; отнынѣ я самъ бодро буду направлять свой путь, какъ проводникъ управляетъ идущимъ слономъ» (ст. 326). Стремясь навсегда освободиться отъ страданій и вступить на путь, ведущій къ неугасающему счастью, первѣе всего должно уничтожить въ себѣ самый корень страданія, который лежитъ, по буддійскому ученію, въ жаждѣ чувственной жизни, связующей нашъ духъ съ міромъ тлѣннаго и преходящаго, зажигающей въ насъ страсти и похоти, влеченіе къ обладанію,—всѣ тѣ дурныя силы, которыя отбрасываютъ человѣка въ море жизни, гдѣ пересѣкаются и бурлятъ неисчислимые потоки горя, страданія, зла, паденія. Съ первыхъ моментовъ своей жизни человѣкъ уже захваченъ этой бушующей стихіей; свѣтлый берегъ безмятежнаго и яснаго бытія свѣтится лишь въ отдаленіи, но никогда шумныя волны жизни не донесутъ человѣка до этого блаженнаго брега. Онъ самъ долженъ

вступить въ борьбу со стихіею, самъ долженъ плыть противъ потока въ томъ вѣрномъ направленіи, гдѣ ясенъ благой конецъ, гдѣ ожидаетъ безсмѣнная радость...

Жизнь темна, неизвѣданна и мучительна для того, кто переплываетъ этотъ, по буддійскому выраженію, стремительный потокъ жизни и смерти гадательно, не зная его опасныхъ сторонъ, не имѣя путеводной карты въ строгомъ и ясномъ разумѣніи. Два пути лежатъ здѣсь предъ человѣкомъ, — и который изъ нихъ изберетъ онъ? Одинъ свѣтлый путь истины, путь закона, стезя мудрости; легкомысленнымъ и порабощеннымъ онъ кажется труднымъ, унылымъ и пустыннымъ, но мудрецъ, шествуя этимъ путемъ, наслаждается возвышенною радостью чистаго и свободнаго духа: не къ страданію и смерти грядетъ онъ, но успокоенный и вѣдущій великое онъ близится къ свѣту и истинѣ и проходитъ сквозь эту тлѣнную жизнь, не тронутый ею, недоступный ея воздѣйствію. «Я достигъ совершенства, я свободенъ отъ страха и свободенъ отъ грѣха, побѣдилъ жажду и разрушилъ всѣ подмостки жизни: я проживаю свое послѣднее бываніе» (ст. 351). Другой путь—путь невѣдѣнія, путь веселья, земныхъ утѣхъ, плотскаго счастья; это—торный путь, и легко итти имъ, но горько его дѣйствительное значеніе: то — прямой путь погибели. «Долга ночь бодрствующему, дологъ путь усталому, томительна жизнь безумца, не познавшаго истиннаго закона» (ст. 60). Вся жизнь безумцевъ, избравшихъ этотъ губительный путь, —одно сплошное заблужденіе: то, что при свѣтѣ истины постыдно и зло, для нихъ лишь утѣха,

нѣчто серьезное и нужное для человѣка; они боятся отступить отъ обычныхъ способовъ жизни и отношеній къ людямъ, «стыдятся» поступать не такъ, какъ принято, какъ установилось, но съ большею чистотою и большей разумностью, ихъ страшитъ только слѣпое людское осужденіе, но ни чуть не правдивое обличеніе истины. «Кто стыдится непостыднаго и не стыдится безстыднаго, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели» (ст. 316). «Кто непорочное считаетъ порочнымъ, а порочное непорочнымъ, тотъ, преданный ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели» (ст. 318). Кто съ полною рѣшимостью избралъ путь освобожденія, для того уже вполнѣ ничтожно сужденіе легкомысленной толпы, злорадство и глумленіе недостойныхъ; онъ будетъ отдаляться отъ людской сутолоки, избѣгать близкихъ связей съ глупцами и искать мудрыхъ, достойныхъ и добродѣтельныхъ людей. Навсегда отрекшись отъ базарнаго шума и гама жизни, углубившись въ созерцаніе свѣтлаго и вѣчнаго, мудрый не чувствуетъ печали въ своемъ одиночествѣ и, далекій отъ низменныхъ волненій, онъ на своемъ одинокомъ пути находитъ высшія радости, недоступныя и непонятныя непросвѣщеннымъ. «Если не встрѣтилъ путникъ товарища, равнаго себѣ или лучшаго себя, пусть онъ неуклонно держится одинокаго странствія: ибо горе несетъ съ собою содружество съ безумцемъ» (ст. 61). «Если ты узришь разумнаго человѣка, который повѣдаетъ тебѣ, гдѣ хранится вѣрное сокровище, который изъяснитъ тебѣ опасные пути и отринетъ возраженія,— послѣдуй за нимъ, послѣдуй за тѣмъ мудрымъ: бла-

го будетъ тому, кто послѣдуетъ за нимъ. Пусть увѣщаваетъ онъ, пусть поучаетъ и запрещаетъ недолжное, возлюбленъ будетъ онъ добрыми, и только злые возненавидятъ его. Не имѣй дружбы съ творящими злое, не имѣй дружбы съ низкими людьми; пусть только добродѣтельные будутъ друзьями твоими, пусть твои друзья будутъ лучшіе изъ людей» (ст. 76—78).

Жизнь не оставляетъ, однако, въ покоѣ шествующаго праведною стезею и высылаетъ къ нему свои соблазны, коварно разставляетъ на его пути сѣти, стремясь уловить освобожденнаго и вновь подчинить его себѣ. Какъ бы не отдалялся мудрый отъ дурнаго и губительнаго въ душѣ своей, на своемъ жизненномъ пути онъ все же приходитъ необходимо въ соприкосновеніе съ людьми, — и дурное жизни всегда готово влиться отравою въ его уже успокоенное, тихое сердце. Мудрый долженъ быть всегда на-сторожѣ: зло подкрадывается незамѣтно, дурныя страсти напитываютъ наше сердце мало-по-малу, капля за каплей. Ослабѣвшій духомъ въ преслѣдованіи высокой цѣли, подпавшій власти зла—глубоко несчастный человѣкъ: его жизнь отзывается страданіемъ въ сердцѣ ближняго, да и въ своей душѣ, въ своей внутренней, сокровенной жизни онъ не найдетъ радости. Какая же радость въ душевной жизни, непрерывно повторяющей только ощущенія ненависти, зависти, злобы, коварства, тупаго довольства, грязныхъ и чувственныхъ наслажденій? И въ томъ, что дурной человѣкъ навсегда лишенъ возможности испытывать тихое, умиленное, ясное настроеніе, неизмѣнно свойственное

чистой и незлобивой душѣ, — самая лютая казнь безумца. Заставляя страдать другихъ, онъ мучитъ и самъ себя, ибо, по вѣчному правосудію, злой своею злобою питаетъ самому же себѣ возмездіе; злой казнитъ самъ себя, ибо, напояя зломъ жизнь, онъ самъ же и подпадаетъ его воздѣйствію, и подпадаетъ скорѣе и сильнѣе, нежели добрый: вѣдь добрый все же имѣетъ защиту отъ зла въ своей кротости, въ своемъ человѣчномъ сердцѣ, тогда какъ злой вполнѣ беззащитенъ отъ зла и подпадаетъ его мучительной обратной карѣ, горько казнясь въ новыхъ ощущеніяхъ встрѣчи своей внутренней злобности съ поддерживаемымъ имъ же самимъ внѣшнимъ зломъ. «Кто обижаетъ беззащитнаго, чистаго, невиннаго, зло падетъ на главу того безумца, какъ прахъ, разносимый вихремъ» (ст. 125). «Не познаетъ безумецъ все зло своихъ дѣяній; но онъ пылаетъ въ нихъ, какъ бы сгорая въ огнѣ» (ст. 136). «Не киснетъ свѣженацѣженное молоко, не даетъ немедленно плода злое дѣло, но какъ огонь, зарытый въ пеплѣ, оно исподволь жжетъ и мучитъ безумца» (ст. 71). «Пусть человѣкъ не думаетъ легкомысленно о злѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: оно не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосудъ; весь исполняется зломъ безумецъ, мало-по-малу творя злое» (ст. 121).

Быть правдивымъ, платить добромъ за зло, на ненависть отвѣчать умиротворяющею кротостью, — вотъ основныя несложныя требованія нравственной мудрости, и однако они, несмотря на эту свою несложность, могутъ быть пріобрѣтены только путемъ долгой и упорной борьбы съ собою, со своею на-

турою, съ ея стихійностью, съ ея легко побѣждающей чувственностью. «Отринь гнѣвъ, забудь гордость, освободись отъ всѣхъ путъ жизни! Никакое страданіе не постигнетъ человѣка, не привязаннаго къ имени и формѣ, и ничего не зовущаго своимъ» (ст. 221). «Побѣждай ярость любовью, отвѣчай добромъ на зло; скупость побѣждай щедростью, лжеца словомъ правды. Будь правдивъ, не служи гнѣву; давай просящему, — о немногомъ, вѣдь, онъ проситъ тебя; къ богамъ приблизишься ты, шествуя этими тремя путями» (ст. 223—224). «О, человѣкъ, познай, что погибель готовитъ себѣ не побѣдившій себя; блюдись, чтобы корысть и тщеславіе не вовлекли тебя въ печаль на долгія времена» (ст. 248). Нравственное совершенство не приходитъ къ человѣку извнѣ, не воплощается въ его душѣ, какъ внѣшній даръ. Душа наша естественно раскрывается въ полнотѣ своихъ безпредѣльноблагостныхъ совершенствъ, когда мощнымъ движеніемъ просвѣщенной воли человѣкъ сброситъ съ себя всѣ тѣ тяжкія цѣпи плотскаго и грѣховнаго, которыя не даютъ его душѣ подняться до чистыхъ сферъ вѣчнаго свѣта и клонятъ ее къ землѣ и праху. «Пусть мудрый блюдетъ свои мысли, коварно стремящіяся въ бурномъ потокѣ: счастье несутъ съ собою укрощенныя мысли. Вдаль несутся безтѣлесные помыслы, тихо крадутся они, глубокосокровенные; кто подчинитъ ихъ себѣ, кто обуздаетъ ихъ, тотъ освободится отъ узъ соблазна. Если разсѣянны мысли человѣка, если не позналъ онъ истиннаго закона, если возмущенъ миръ его души,—никогда не достигнетъ онъ совершенства» (ст. 36—38). Очистившись даже и въ мель-

чайшемъ отъ всего наноснаго, нечистаго, *не должнаго въ душѣ*, мудрый достигаетъ яснаго, ничѣмъ невозмущеннаго сознанія и находитъ жизнь, какъ бы безпредѣльно расширившуюся въ одномъ свѣтломъ чувствѣ. «Подобно разбитому колоколу, ты не издашь болѣе звука, — ты угашенъ, ты покоенъ, и ни споры, ни соревнованіе недоступны тебѣ» (ст. 134). Обновленный, живущій уже новою, уже безконечною жизнью, онъ неизмѣнно счастливъ тихимъ, свѣтлымъ, неколеблемымъ счастьемъ. «Терпѣливъ, какъ земля, крѣпокъ, какъ стрѣла Индры, исполнившій должное; онъ подобенъ чистому, прозрачному озеру, никогда не возвратится онъ на стезю земного блужданія. Тихи его помыслы, покойно его слово и дѣяніе; свободенъ познавшій истинное, умиротворенъ достопочтенный» (ст. 95—96). Та же тихая радость, то же благоволеніе, съ которымъ мудрый взираетъ на великій міръ, согрѣваютъ его сердце и въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Да и въ чемъ бы онъ могъ столкнуться съ ними, какъ врагъ? Ему нечего искать у людей, онъ не стремится къ обладанію земными сокровищами, онъ слишкомъ далекъ уже отъ жажды тлѣнныхъ наслажденій. Ближніе для него—только люди, а не объекты алчныхъ намѣреній, возможные пособники корыстнозамысленнымъ цѣлямъ, или же враги, пересѣкающіе его пути. Всѣ отношенія нравственносовершеннаго къ другимъ людямъ всегда кротки и любовны, и въ его думахъ о ближнемъ нѣтъ ничего, кромѣ благоволенія, заботы и попеченія. «Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо мною, онъ поработилъ меня, онъ оскорбилъ меня,—въ сердцѣ, встревожен-

номъ такими мыслями, никогда не угаснетъ ненависть. Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо мною, онъ поработилъ меня, онъ оскорбилъ мени,—кто не даетъ въ себѣ убѣжища такимъ помысламъ, тотъ навсегда заглушитъ въ себѣ ненависть. Ибо не ненавистью побѣждается исходящее изъ ненависти: оно угашается любовью, — таковъ вѣчный законъ» (ст. 3—5). Человѣкъ истинно просвѣщенной души прощаетъ злыя и обидныя отношенія ближнимъ; его сердце чисто, и въ немъ, незлобномъ и смиренномъ, ни ненависть, ни клевета не встрѣтятъ никакихъ элементовъ, которые бы вспыхнули отвѣтнымъ гнѣвомъ, враждою. «Молчаливо я перенесу поношенія, перенесу терпѣливо, какъ слонъ, раненый въ битвѣ, въ молчаніи переноситъ страданіе: въ природѣ людской много злого» (ст. 320). Мудрый стоитъ недосягаемо высоко надъ людскими страстями, и пребывая духомъ въ чистыхъ сферахъ вѣчнаго свѣта и истины, онъ никогда уже не омрачится волненіемъ низшаго, суетнаго порядка. И эта безотвѣтность на зло для нравственно-просвѣщеннаго столь же естественна, какъ естественно злобное бушеваніе для человѣка, не освободившагося отъ страстей. «Если не поранена рука человѣка, онъ можетъ коснуться змѣинаго яда,—не опасенъ ядъ здоровой рукѣ; только для того безвредно зло, кто самъ не творитъ злаго» (ст. 124). Мудрый будетъ только жалѣть падающихъ, слабыхъ духомъ; людская злоба и безуміе вызовутъ въ немъ только тоску человѣчнаго сердца объ убожествѣ и безпросвѣтной тьмѣ поистинѣ несчастныхъ людей, мучащихъ себя въ грѣхѣ и злѣ,—но никогда мудрый

не упадетъ до злобныхъ ощущеній, и чистый духъ его никогда не потускнѣетъ во враждѣ и мстительности, никогда не поработится замысломъ ненависти... Какъ необходимое слѣдствіе душевной чистоты, мудрому свойственна особенная внимательность, особенная чуткость ко внутренней жизни другихъ. Страданія живыхъ существъ не трогаютъ сердце, покрытое корою грѣха, но болью отзываются въ чистомъ сердцѣ, всегда готовомъ на любовь, на заступленіе. «Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ, — и не убивай, и не причиняй смерти. Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ своей жизнью; пойми самого себя во всякомъ живомъ существѣ, — и не убивай, не причиняй смерти» (ст. 129—130).

Освободившись отъ узъ невѣдѣнія, выйдя изъ сферы этого земного темнаго бытія, духъ мудраго пріобрѣтаетъ высшую, родственную сферу,—находитъ стихію свѣтлаго и иного бытія, яснаго, какъ небо, и какъ глубокое небо, вѣчно покойнаго, вѣчно чистаго. «О, монахъ, опорожни тяжелый челнъ свой; опорожненный, онъ легко понесется; отринувъ страсти и ненависть, ты достигнешь блаженства успокоенія» (ст. 369). Уже нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы возмутить покой мудраго, поработить его духъ; какъ бы изъ безконечной дали онъ смотритъ на эту шумную жизнь; никогда уже онъ не будетъ ничтожною игрушкой въ хаотическомъ бушеваніи стихійныхъ силъ жизни, — онъ самъ высшій судья міра и знаетъ дѣйствительное значеніе полнаго ничтожества того, что въ глазахъ непросвѣщенныхъ

представляется высокоцѣннымъ и достойнымъ борьбы и напряженной погони. Онъ уже не ищетъ, къ чему бы направить свои желанія, къ чему бы прилѣпиться мыслью, чѣмъ заполнить свою пустую жизнь: онъ всегда полонъ собою, полонъ безконечною содержательностью своего свѣтлаго и навсегда успокоеннаго духа. «Нирваны, высочайшаго счастья, достигаютъ эти мудрецы, самоуглубленные, размышляющіе, обладающіе истиннымъ могуществомъ... Непорочный, чистый въ помыслахъ и чистый въ дѣяніяхъ, слѣдующій закону, размышляющій и смиренный, возвеличится въ славѣ своей» (ст. 23—24). «Внизъ на безумцевъ смотритъ мудрый, освободившійся отъ невѣдѣнія, достигшій утесистыхъ высотъ мудрости; спокойный, онъ взираетъ на волненія шумной толпы, какъ стоящій на вершинѣ горы смотритъ отдаленный на тѣхъ, кто кишитъ тамъ, внизу, при долинѣ» (ст. 28). «Непотрясаема вихремъ стоитъ могучая скала; ни хвалы, ни порицанія не поколеблятъ мудраго. Законъ и истину позналъ мудрый,—онъ тихъ и покоенъ, какъ покойно глубокое свѣтлое озеро. Всѣ пути равны мудрецу: онъ не жаждетъ наслажденія, никакими желаніями не волнуется тихій; счастье и огорченіе безразличны мудрому, ни надменнымъ, ни приниженнымъ никогда не будетъ просвѣщенный» (ст. 81 — 83). Никакія услады земного тлѣннаго міра, никакое богатство и власть не сравнятся съ тѣми сокровищами, которыми обладаетъ мудрый: его разумъ открытъ созерцанію непреходящаго, и уже безконечная жизнь несетъ ему свои безконечныя радости. Онъ свершаетъ свой земной путь чистый и не-

порочный, никому не вредя, никого не огорчая, повсюду внося миръ и успокоеніе и вездѣ оставляя за собою свѣтлый слѣдъ любви, благословенія, радости. «Какъ пчела, облетая цвѣты, только собираетъ съ нихъ медъ, но не вредитъ имъ, не уноситъ съ собою ихъ цвѣта и запаха, такъ и мудрый проходитъ по селеніямъ» (ст. 49). Да, истинный мудрецъ свершаетъ свой земной путь, не нарушая красоты мірозданія, не внося собою въ міръ злобы и раздора, собирая только благое жизни, медъ человѣчности; смиренный и кроткій, ничего не называя своимъ, ничего не требуя отъ другихъ, онъ не посягнетъ на жизненныя блага ближняго, не замутитъ свѣтлаго источника не многихъ возможныхъ чистыхъ радостей нашей земной юдоли. Завистливый, попавшій въ этотъ садъ жизни, изнываетъ въ необузданной жадности и бросается какъ хищникъ на жизнь, стремясь захватить какъ можно болѣе; мудрый проходитъ тѣмъ же садомъ міра, тихій и покойный, радуясь общею радостью природы, но не принося никому вреда, не похищая ничьего счастья...

Чувство покоя и умиротворенія, испытываемое мудрымъ, близко по своему содержанію и формѣ той тихой радости, не вспыхивающей моментами, но неколеблемо обливающей наше сердце, которую мы переживаемъ въ эстетическихъ волненіяхъ. Въ чувствѣ прекраснаго мы испытываемъ *длящееся блаженство* души: въ немъ душа наша живетъ не порывами, не быстро смѣняющимися сладкими ощущеніями, но какъ будто, безпредѣльно расширившись въ блаженномъ чувствѣ, замерла въ своемъ

прекрасномъ и радостномъ содержаніи. Подобно тому, и жизненное самоощущеніе мудраго есть негаснущее блаженство души, безпредѣльно растилающеюся своею мыслью и благоволеніемъ встрѣтившей вѣчно-прекрасное, вѣчно-истинное и безсмертно-сущее. «Какъ воздушный путь птицъ неуловимъ путь того, кто отрекся довольства, шествуетъ стезею познанія, кто вперилъ взоръ свой въ Неописуемое, кто къ Нирванѣ устремилъ свои помыслы. Какъ воздушный путь птицъ неуловимъ путь того, чьи угасли похоти, кто вперилъ взоръ свой въ Неописуемое, кто къ Нирванѣ устремилъ свои помыслы» (ст. 92—93).

Мудрецу часто бываютъ свойственны черты нѣкоторой внѣшней суровости. Мудрецъ суровъ, какъ закаленный въ бою витязь; онъ также, какъ и доблестный мужъ брани, перенесъ тяжелую борьбу: онъ претерпѣлъ нападенія соблазновъ, низменные инстинкты незамѣтно, въ часы ночной дремоты прокрадывались къ нему, замысливъ захватить его врасплохъ и заключить въ рабство; онъ выдержалъ бурный напоръ страстей, вырвалъ съ корнемъ глубоковросшія въ человѣческое сердце вражду, ненависть, похоть. И эта привычка къ борьбѣ, эта постоянная внимательность къ окружающему, эта особенная чуткость къ нравственной оцѣнкѣ воздѣйствующаго налагаютъ на мудреца печать суровой непреклонности; и какъ витязь въ полѣ въ виду близкаго непріятеля, даже и отдыхая, чутко внемлетъ и всегда готовъ къ отпору, всегда на-сторожѣ, такъ и мудрецъ всегда неустанно бодрствуетъ, зорко слѣдитъ за своими побѣжденными страстями,

взвѣшиваетъ въ раздумьи значеніе приходящихъ впечатлѣній. Въ этомъ неусыпномъ бодрствованіи, въ этой постоянной готовности къ борьбѣ и самозащитѣ, мудрый недосягаемо возвышается надъ толпою легкомысленныхъ людей, живущихъ неразобранными впечатлѣніями, мыслящихъ по масштабу внѣдренныхъ въ умъ чужихъ мнѣній, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ минуты, подъ давленіемъ другихъ людей. подъ напоромъ инстинктовъ. Внѣшняя суровость мудреца, однако, ничуть не исключаетъ ни душевной нѣжности, ни мягкихъ движеній сердечности; какъ за неприступными оградами, далеко отъ нечистыхъ взоровъ, красуются волшебные сады сказочнаго, поэтическаго царства, гдѣ все такъ чаруетъ и нѣжно льнетъ къ душѣ, гдѣ самая лазурь неба свѣтлѣе и прекраснѣе, — такъ и подъ бронею внѣшней суровости духъ мудраго живетъ чистою, прекрасною жизнью, блаженною въ думахъ о безконечномъ, въ радостной памяти впечатлѣнія свѣтлаго, безсмертнаго. Безумцы „міра сего" полагаютъ, что лишаясь путемъ духовнаго совершенствованія наслажденій плоти, въ концѣ концовъ, можно придти только къ унылой пустотѣ безсодержательной и скучной жизни; не имѣя въ себѣ того прекраснаго и чистаго, которое одно лишь можетъ встрѣтить чистыя и благостныя струи бытія, духовно и радостно протекающія въ мірѣ, они, вполнѣ естественно, ничуть не въ силахъ представить себѣ содержаніе той прекрасной жизни, которою живетъ тотъ, кто всею душей приблизился къ вѣчному.

Цѣль возвышенныхъ стремленій жаждущихъ истины составляетъ „вѣрное знаніе избранныхъ", ти-

хое блаженство души, напоенной изъ вышняго источника,—источника вѣчнаго бытія, правды и свѣта. Какъ ночью, когда умолкаетъ вся сутолока жизни, природа раскрывается въ новой, необычайной красотѣ, становится какъ-то чище, духовнѣе, такъ и душа мудраго, освободившись отъ всего страстнаго, земного, нечистаго, проявляется въ своемъ новомъ свѣтломъ содержаніи, свѣтится въ неумолкающихъ переливахъ нѣжныхъ и человѣчныхъ чувствъ, мыслитъ безсмертное, уже близкое и родное ей отнынѣ. Угасшіе для низменной жизни, навсегда забывшіе ея шумы, ея страсти и заботы, мудрые возрождаются въ новой непрежней жизни, и вѣчно свѣтлое, вѣчно духовное бытіе вливается въ нее новыми радостями, неописуемымъ счастьемъ. „Мудрые, не приносящіе никому горя, грядущіе стезею святости, погрузятся въ Непреходящее, гдѣ угаснетъ всякая скорбь“ (ст. 225). „Все глубже и глубже вникая въ сущность этого обманчиваго жизнесмертнаго видѣнія, онъ находитъ счастье и радость; счастье и радость—удѣлъ тѣхъ, кто постигъ безсмертное“ (ст. 374).

Эта кажущаяся такой неподвижной, остановившейся, замершей въ безмолвномъ созерцаніи, жизнь мудреца — въ дѣйствительности есть непрестанная борьба, высшее напряженіе духовныхъ силъ. Совершенство достигнуто путемъ тяжелой борьбы; спокойствіе мудраго, ясность и невозмутимая чистота его души—плодъ долгой и упорной брани съ бушующей природой; свѣтлая мысль его, которая даетъ ему такую мощь, такой завидный подъемъ душевныхъ силъ,—лавры дорого стоившей побѣды надъ жесто-

кими терніями жизни, глубоко впившимися въ сердце. Слишкомъ возвышенный и свѣтлый и окруженный людьми, среди которыхъ такъ мало добрыхъ и благородныхъ, — самъ дышащій однимъ благоволеніемъ и вынужденный выносить болѣе грязныхъ и злыхъ прикосновеній, чѣмъ расположенія, любви и братской симпатіи, — мудрый свершаетъ великій и тяжелый подвигъ, шествуя этимъ земнымъ путемъ, гдѣ самый воздухъ словно напоенъ отравою зла и ненависти, гдѣ язвитъ лютая вражда и раскрываетъ объятія коварная дружба, худшая враждебности. „Легко живется безстыдному человѣку, хвастуну, хитрецу, хулителю, дерзкому и бездѣльнику; но тяжела жизнь того смиреннаго, который непрестанно стремится къ непорочному, всегда безкорыстенъ, разуменъ, кротокъ“ (ст. 244—245).

Истинное душевное благородство всегда бываетъ связано со скромностью и смиреніемъ. Во всѣхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ нравственно совершеннаго человѣка свѣтитъ теплая, правдивая, любящая душа. Внутренно неотрѣшимое отъ идеально-чистой души благородство исключаетъ всякій элементъ внѣшне навязчиваго, разсчитаннаго на эффектъ, показнаго; отъ того-то, вѣроятно, истинная красота души такъ часто и остается не оцѣненною, незамѣченною людьми, всегда болѣе привычными ко внѣшне-ослѣпляющему, грубо бьющему по чувственной сторонѣ пониманія, не требующему вникновенія и тонкой оцѣнки. Показная мудрость, показное благочестіе, показное человѣколюбіе, внѣшній обликъ благородства имѣютъ несравненно большее значеніе въ житейскомъ обиходѣ, нежели дѣйстви-

тельныя душевныя совершенства. Принадлежность по воспитанію, общественному положенію къ семьѣ культурныхъ людей сопровождается извѣстными внѣшними, показными признаками культурности; несравненно легче пріобрѣсти эти внѣшнія выраженія просвѣщенности, чѣмъ дѣйствительно воплотить въ себѣ символизируемыя ими идеи и чувства. Для дѣйствительнаго, полнаго просвѣтленія духа необходимо много и усиленно работать, искренно и вполнѣ свободно избирая благородное, лелѣя и выхаживая въ душѣ своей сѣмена свѣтлости и мудрости, тогда какъ для обладанія уже выработанными лицемѣріемъ культуры поддѣлками подъ идеи и чувства высшаго порядка не нужно ничего, кромѣ памяти и актерской ловкости. Немногіе только способны понять и оцѣнить *внутреннее* человѣка, немногіе только способны прямо смотрѣть въ глубь его души, большинство же скользитъ своимъ пониманіемъ лишь по поверхности,—и оттого-то за дѣйствительныя душевныя достоинства легковѣрными людьми всего чаще принимается внѣшній обликъ благородства и возвышенности, и за этимъ праздничнымъ, выходнымъ, публичнымъ нарядомъ они не замѣтятъ ни обычныхъ рубищъ, ни будничной грязи. Болѣе того, маска вмѣсто живого лица, звучная, красиво составленная, рѣчь, вмѣсто живого, задушевнаго слова, мертвенная, рабски прислужливая мысль, вмѣсто мысли пережитой, глубоко перечувствованной и учащей, и производитъ всего чаще наибольшее впечатлѣніе... „Цвѣтку, красивому на видъ, но не благоуханному, подобны прекрасныя слова того, чья жизнь далеко не соот-

вѣтствуетъ имъ“ (ст. 51). „Много и хорошо говоритъ о законѣ малодушный, но не исполняетъ его: не имѣетъ онъ доли въ истинномъ монашествѣ, уподобляясь пастырю, зорко блюдущему чужія стада... Но кто угасилъ въ себѣ вожделѣнія, угасилъ ненависть и страсти, кто обладаетъ вѣрнымъ знаніемъ и достигъ тишины и ясности духа, кто не печется ни о чемъ ни въ этомъ мірѣ, ни въ будущемъ, тотъ, — хотя бы и мало онъ могъ говорить о законѣ, — и есть истинный послѣдователь закона и имѣетъ вѣрную долю въ монашествѣ“ (ст. 19—20). „Не тотъ мудрецъ, кто держитъ добрыя и красивыя рѣчи; но кто терпѣливъ, свободенъ отъ ненависти и свободенъ отъ боязни, тотъ только истинно мудрый человѣкъ. Не тотъ вѣщатель правды, кто много говоритъ, о ней; иной и мало говоритъ, но въ дѣлахъ своихъ осуществляетъ законъ, — онъ и есть истинный провозвѣстникъ закона, никогда не нёбрегущій правдою “(ст. 258—259). Особенно же тѣ люди, которые принимаютъ на себя подвигъ поученія, должны прежде всего достичь того, чтобы тѣ истины, которыя они идутъ возвѣстить ждущимъ свѣтлаго слова успокоенія, ищущимъ разрѣшенія наболѣвшимъ сомнѣніямъ и ропщущему горю, — прежде всего претворились бы въ ихъ собственной душѣ въ неугасимую думу, въ несмолкающее теплое чувство, дабы чистое слово ученія исходило, искреннее и свободное, изъ чистой души, дѣйствительно сознавшей вѣчно благое, вѣчно должное. „Ни нагота, ни власяница, ни грязь, ни постъ, ни сонъ на непокрытой землѣ, ни осыпаніе главы пепломъ, ни неподвижная сосредоточенность не очистятъ смерт-

наго, не побѣдившаго въ себѣ страстей“ (ст. 141). „Низаплетенные въ косы волосы, ни предки, ни родословная не освящаютъ брахману; только вѣрно слѣдуя Ученію, человѣкъ становится вѣрнымъ брахманой... Что въ твоихъ заплетенныхъ волосахъ, безумецъ, что въ твоей власяницѣ? Ты заботишься о томъ, чтобы представить чище и блестящѣе свою внѣшность, но внутри тебя—тлѣніе“ (ст. 393—394). Глупцы полагаютъ, что, исполняя тщательно все внѣшнее добродѣтельной жизни, лицемѣрно украшаясь внѣшними признаками нравственной мудрости, они становятся избранными, достойными; но въ дѣйствительности, предъ судомъ правды, они также далеки отъ истиннаго просвѣщенія, какъ и тѣ толпы „непросвѣщенныхъ“, на которыхъ подобные лицемѣры почти всегда смотрятъ высокомѣрно и презрительно. „Не становится бритьемъ головы аскетомъ тотъ неразумный, чьи рѣчи лживы; можетъ ли быть подвижникомъ человѣкъ корыстный, плѣненный похотью? Кто непрестанно угашаетъ въ себѣ все дурное, - будь то большое или малое,—тотъ поистинѣ отшельникъ, ибо навсегда отошелъ онъ отъ всякаго зла. Не потому человѣкъ—нищенствующій монахъ, что онъ проситъ подаянія, живетъ милостыней, но потому, что нѣтъ у него ничего, кромѣ наполняющаго его закона... Кто возвысился надъ мнѣніями толпы о дурномъ и хорошемъ, кто чистъ и въ мудрости протекаетъ по міру, тотъ истинно нищій... Не тотъ человѣкъ — монахъ-молчальникъ, кто строго блюдетъ молчаніе, будучи безумцемъ и невѣждою; но мудрецъ берущій вѣсы и избирающій доброе, избѣгая злого, есть истинный монахъ-

молчальникъ; да, только тотъ, кто въ молчаливомъ раздумьи взвѣшиваетъ обѣ стороны жизни, достоинъ имени монаха молчальника“ (ст. 264—269). По глубокому ученію буддійской нравственной мудрости, не тотъ подвижникъ, не тотъ нравственно совершенный человѣкъ, кто украшается внѣшними искусственными аттрибутами благочестія и аскетизма: несмотря на всѣ свои ухищренія, онъ внѣшностью не измѣнитъ своего внутренняго строя и останется тѣмъ же ничтожнымъ и жалкимъ, недостойнымъ существомъ. „Кто, хотя бы и былъ одѣтъ онъ въ дорогія ткани, но упражняетъ спокойствіе, терпѣливъ, кротокъ, сдержанъ, цѣломудренъ, не приноситъ зла другимъ существамъ, тотъ и есть истинный брахмана, доблестный мудрецъ, вѣрный аскетъ“ (ст. 142). Дѣйствительный подвигъ совершенствованія есть глубоко скрытая отъ постороннихъ глазъ строгая работа надъ собою, работа при свѣтѣ яснаго сознанія праведнаго и должнаго; великій подвигъ нравственнаго очищенія не ищетъ ни славы, ни похвалы, ни награды, это—самая безкорыстная, самая свѣтлая и благородная работа во славу вѣчнаго и безсмертнаго въ духѣ и жизни, и ею только и достигается великое совершенство, возвышеніе къ истинѣ. „Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто говоритъ чистымъ языкомъ правды, кто свободенъ отъ жестокости, кто не приноситъ другимъ огорченія“ (ст. 408). „Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто разгадалъ это жизнесмертное видѣніе, этотъ колеблющійся призракъ, кто свободенъ отъ всѣхъ узъ, блаженный, пробужденный“ (ст. 419).

Такимъ образомъ, сознательно презрѣвъ легкій,

обычный путь земной жизни, искренно избравъ путь, ведущій къ освобожденію, человѣкъ увѣнчиваетъ свое исканіе, свои труды обладаніемъ высочайшею мудростью. Эта мудрость, эта великая свобода души, ея совершенство—не временное и случайное состояніе духа, но его преисполненная законченность въ красотѣ и величіи. Презрѣвъ тлѣнное, обманчивое, предчувствуя *великое въ великомъ*, мудрецъ искалъ своей душѣ родной области и обрѣлъ ее въ той стихіи, гдѣ тихая, благодатная радость исполняетъ вѣчную жизнь и ласкаетъ умиротворенную душу; счастье понятаго рѣшенія, миръ души, уже недоступной колебаніямъ сомнѣнія и неувѣренности, — вѣрные спутники просвѣщеннаго. Если намъ знакомо томленіе духа по истинѣ, если приходилось испытывать горестное блужданіе въ сумракахъ невѣдѣнія, — намъ станетъ понятно, какое же блаженство должно наполнять сердце истинно счастливыхъ людей, въ мудрости обрѣтшихъ ясность и покой бытія.

Итакъ, нравственная философія буддизма есть *высшее отрицаніе*, которымъ, однако, достигается высшее положительное начало неизмѣнно прекрасной и благой жизни. Она начинаетъ съ выясненія основъ того царства *санкхары (самсары)*, въ которой пребываютъ невѣдущіе, и приводитъ къ пониманію сферы *нирваны (ниббаны)*, — непреходящаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Это царство санкхары рисуется нашему темному, почти исключительно чувственно представляющему сознанію такою живою, дѣйствительною и должною сферою жизни, но есть, однако, по буддійской философіи, только царство

тѣней, красивыхъ миражей, обольстительныхъ видѣній, навѣянныхъ на нашу душу жаждою жизни и ея стихійнымъ могуществомъ. Познавшій *правду этой жизни* становится, естественно, вполнѣ свободнымъ отъ ея власти, и всѣ его стремленія отнынѣ будутъ направлены къ пріобрѣтенію своей душѣ общенія съ дѣйствительно должною и неизмѣнною,— *истинною сферою жизни*. Путемъ нравственнаго совершенствованія какъ бы извлекая себя изъ сферы «призрачнаго briванія», мудрый погружается въ непреходящее, неизсякающее бытія, въ свѣтлое и вѣчно радостное въ немъ. «Кто окончилъ свое странствіе, кто побѣдилъ печаль, кто очистился отъ всего нечистаго и сорвалъ съ себя всѣ оковы, для того, достопочтеннаго, нѣтъ болѣе страданія» (ст. 90).

Мудрый навсегда освободился отъ тлѣннаго міра и его суеты, далеко отошелъ отъ людскаго муравейника съ его алчностью, корыстью, похотью и, потерявъ все, по мнѣнію легкомысленныхъ, онъ въ своей кажущейся нищетѣ духа обрѣлъ высшее сокровище и безконечно преисполненную жизнь въ «созерцаніи несотвореннаго». Нравственно просвѣщенный спокойно взираетъ на людское море и его волненія,— онъ вѣдаетъ истинное значеніе страстей и заботъ, столь властно покорившихъ смущенныхъ, невѣдущихъ людей, знаетъ дѣйствительную цѣну всего «важнаго и значительнаго» суетной жизни. Свѣтомъ освобожденной души своей встрѣчая вѣчный свѣтъ истины, радуясь ощутимому созвучію своей жизни съ вѣчно жизненною красою сущаго, мудрые достигли высочайшаго конца своихъ чи-

стыхъ стремленій и встрѣтили дорогое и возлюбленное своей благой, увѣренной надежды. Свѣтлые и радостные, они грядутъ среди темныхъ и злобствующихъ, и ничто людское, ничто низменное и падшее не коснется ихъ души, не вовлечетъ ихъ, живущихъ уже неугасною жизнью, въ мимолетную жизнь праха и тлѣнія... «О, какъ счастливы мы, проживая безъ ненависти къ ненавидящимъ насъ. Среди ненавидящихъ насъ мы пребываемъ, свободные отъ вражды! О, какъ счастливы мы, безболѣзненные, среди людей, удрученныхъ болѣзнями; среди людей немощныхъ проживаемъ мы, исцѣленные! О, какъ счастливы мы, свободные отъ жадности среди жадныхъ; среди людей, снѣдаемыхъ жадностью, живемъ мы, свободные отъ нея»... (ст. 197—199).

* * *

Таково содержаніе, далеко не исчерпанное здѣсь, однако, «Пути къ Истинѣ», одного изъ величайшихъ памятниковъ всемірной нравственно-философской литературы. Кому дорога человѣческая мысль, кто любитъ прекрасное въ человѣческомъ духѣ, тотъ не можетъ не испытывать нѣкоторой радостной гордости за то явно великое, что всегда есть въ немъ и что здѣсь проявилось столь наглядно. Въ этомъ великомъ произведеніи каждая мысль пережита, глубоко прочувствована и продумана, каждое слово тепло и искренно, идетъ прямо отъ души и говоритъ нашей душѣ роднымъ, близкимъ и понятнымъ ей языкомъ; въ этомъ рѣдкостномъ твореніи нѣтъ ни одного слова, которое было бы продиктовано какими-либо низменными интере-

сами, нѣтъ ни малѣйшихъ элементовъ показного и напыщеннаго поучительства: здѣсь чувствуется только благоволеніе, только искреннее движеніе души на помощь ослабшимъ и подчинившимся злу. За суровостью неотвратимаго осужденія, за жесткимъ, можетъ быть, словомъ обличенія слѣдуетъ слово отеческой нѣжности и заботливости, сердечное, теплое, — и тотъ свѣтъ, то благоволеніе блаженной души, въ которыхъ созрѣвали эти вѣщія реченія, будто свѣтитъ намъ изъ дали временъ, близкій и любящій...

То, о чемъ говорится въ «Пути къ Истинѣ» не есть нѣчто далекое, недоступно свѣтящее намъ въ выси идеала, — нѣтъ, это не предположительныя построенія отвлеченной мысли, но уже свершенное, испытанное и законченное благословенными подвижниками любви и мысли. Проповѣдь *великаго отреченія*, высказанная въ нашемъ памятникѣ, есть живой голосъ души, прошедшей суровый путь испытанія, много и напряженно работавшей въ желаніи счастья и радости людямъ, въ искренней скорби сознавшей скорбь и зло въ жизни, горячею, любящею мыслью до мельчайшаго разобравшей сложное сплетеніе жизненныхъ обманчивыхъ призраковъ и обрѣтшей истинный путь познанія и жизни. Тотъ, кто увлеченъ чувственною жизнью, кто очарованъ ея манящею, зовущею красотой, никогда не пойметъ правды о жизни и не повѣритъ ей, какъ не повѣритъ и возможности полной побѣды надъ нею и общенія съ иною, «нездѣшнею» жизнью. Но мудрый спокойно подходитъ къ этой прекрасной волшебницѣ-жизни и чудною силою мысли

разоблачаетъ ее: спадаютъ эти красивые покровы, наброшенные коварнымъ Марой, исчезаютъ эти призрачныя прелести, этотъ миражъ чудныхъ красокъ и очертаній, эти чувственныя грезы восторговъ и нѣги,—и вотъ передъ нами голый скелетъ, насмѣшливый и мертвый: то Смерть была облечена въ наряды Жизни... Пусть будетъ горько разстаться съ обольстительнымъ видѣніемъ, пусть обманувшееся сердце будетъ томиться въ разлукѣ,— Мудрость поведетъ насъ къ вѣрной Жизни, не чувственно-обворожительной, но безплотно-прекрасной, чистой и цѣломудренной. Въ ея нѣжныхъ сферахъ, въ ощутимыхъ лучахъ любви и благостыни, затихаютъ боли разбитаго сердца, потерявшаго все прежнее дорогое ему, и навсегда успокоивается оно, убаюканное ласкающею лазурью, лелѣемое безконечно-благою волной вѣчной радости...

* * *

Вѣщія слова ученія, прозвучавшія впервые гдѣ-то тамъ далеко, за много вѣковъ, подъ чуждымъ намъ небомъ, для иныхъ людей, никогда не потеряютъ своего значенія и изъ вѣка въ вѣкъ будутъ нести ищущимъ великое слово истины. «Путь къ Истинѣ» принадлежитъ къ тѣмъ безсмѣннымъ источникамъ чистой нравственной жизни, припадая къ которымъ, жаждущій дѣйствительно укрѣпляется «водою живою». Особенно дорого напоминаніе себѣ истинъ нравственной философіи въ нашъ вѣкъ, въ значительной степени отмѣченный духовной скудостью и нравственнымъ ничтожествомъ. Наше время, такъ кичливое своими великими научными открытіями,

такъ громко восхваляющее свои пріобрѣтенія въ области знанія, такъ богатое побѣдами разума надъ природою, отмѣчено, однако, нѣкоторою *великою жизненною потерею*, — потерей высшихъ руководящихъ идей, презрѣніемъ къ тѣмъ путямъ мысли, которые приводятъ къ смиренной и чистой мудрости... Нашъ вѣкъ, богатый внѣшними пріобрѣтеніями, бѣденъ духовнымъ, внутреннимъ содержаніемъ, скуденъ силами душевной красоты и благости. День за днемъ уныло тянется однообразная пасмурная жизнь; оскудѣвшая душа будто замираетъ, и нѣтъ въ ней ни тепла, ни горячаго зова, ни бодраго наученія; лицемѣрное, наружное, почти ужъ только оффиціальное поклоненіе благороднымъ завѣтамъ,—и достаточно грязи въ обыденной жизни, убожества въ ея внутреннемъ содержаніи, безсилія, «блѣдной немочи» въ мысли и волѣ... И намъ ли относиться свысока къ великому наслѣдію древнихъ мудрецовъ, могучихъ волей, вѣрившихъ истинѣ, красотѣ и вѣчности, возлюбившихъ безплотное благо до самозабвенія, до отреченія отъ всего того, одинъ лишь маленькій недостатокъ въ чемъ повергаетъ насъ въ уныніе, заставляетъ считать себя несчастливцами, неудачниками.

Мы часто смотримъ на людей прошлаго, какъ на чуждыхъ, далекихъ, совершенно уже ненужныхъ намъ. Теорія эволюціоннаго прогресса пріучаетъ насъ видѣть въ нихъ не болѣе, какъ изжившія свое содержаніе тѣни прошлаго, окончившія свое дѣло и оставшіяся на той нижайшей ступени развитія, до которой намъ уже нельзя снизойти, съ которой почти совсѣмъ потеряна какая-либо прямая и близ-

кая связь. Наряду съ этимъ теряется пониманіе человѣчества, какъ единой семьи, единаго родственнаго цѣлаго, разъединеннаго исторически, но нераздѣльнаго въ духѣ, неизмѣннаго въ своей лгущей страсти къ чувственной жизни и въ вѣрной любви къ истинѣ, въ горѣ и радостяхъ жизни, въ надеждахъ и утѣшеніяхъ сердца. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно изсякаетъ въ насъ способность сознавать себя живою единицею, хранящей благія силы, несущей въ себѣ смыслъ настоящаго и готовящей «душу будущаго». Мы будто не хотимъ быть родственными съ прошлымъ, приникнуть къ мудрому поученію давно отшедшихъ поколѣній и не думаемъ готовиться быть благими творцами лучшаго будущаго. Творенія прежнихъ вѣковъ — для насъ чаще всего только предметы безжизненнаго научнаго интереса, и мы готовы разсматривать и изучать ихъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, но только не съ точки зрѣнія ихъ живой поучительности.

Крайне утилитарное направленіе жизни послѣдняго времени, отдавая человѣка всецѣло и исключительно во власть внѣшнихъ интересовъ и внѣшнихъ заботъ, какъ бы отбрасываетъ его отъ самого себя, отъ его духовной, внутренней жизни, сокращая ее въ то же время до чрезвычайно узкихъ размѣровъ эгоистическаго тусклаго «я». Современный человѣкъ такъ озабоченъ и такъ много постоянно что-то свершаетъ, что-то творитъ, что ему ужъ и нѣкогда побыть наединѣ съ самимъ собою, — съ своимъ лучшимъ другомъ и несравненнымъ наставникомъ; и только тогда лишь, когда изсякнутъ всякіе внѣшніе интересы, или обманетъ жизнь, какъ

это почти всегда и необходимо бываетъ,—человѣкъ спѣшитъ возвратиться *къ себѣ*, въ своей душѣ ищетъ опоры, руководства, восполненія жизни, но — и въ своемъ внутреннемъ мірѣ онъ тогда уже не находитъ ничего, кромѣ пустоты безпризорнаго одиночества и скуднаго содержанія увядающаго духа. А между тѣмъ, душевная жизнь можетъ быть такою величавою, безгранично расширенною, безъ конца восполняться въ чистотѣ и красѣ думъ, мечты и волненій...

Нравственное совершенство, душевная чистота, мудрость — удѣлъ не однихъ лишь рѣдкихъ и избранныхъ, будто бы воспріявшихъ печать высшаго призванія. Великое доступно, лишь бы наша душа дѣйствительно жаждала сознанія *красы и правды* своего бытія и вѣрила бы истинѣ, зовущей насъ къ себѣ, внемлющей благосклонно и тайно нашей мольбѣ, нашей любви... Какъ ни труденъ путь отреченій, онъ легокъ и свѣтелъ душѣ, воспрянувшей въ великомъ рѣшеніи. То одиночество въ шумныхъ и лживыхъ радостяхъ жизни, къ которому приводитъ путь пробужденія, ведетъ, однако, къ общенію съ благороднѣйшими умами; уединяясь въ размышленіяхъ подъ руководствомъ великихъ учителей, мы найдемъ наслажденія, несравнимо чистѣйшія, нежели все то, что могутъ дать разные обычные «пустячки» жизни, ея ничтожныя удовольствія. Любя мудрое, ближе и чаще входя въ общеніе съ великими людьми міра, вникая въ смыслъ ихъ благого поученія, человѣкъ незамѣтно становится какъ-то чище и лучше, возвышаясь и свѣтлѣя въ духѣ. Большинству изъ насъ, съ первыхъ дней сознатель-

ной жизни, запуганныхъ нашими «прогрессивными и передовыми» нянюшками, взявшими въ свою деспотическую опеку нашу мысль, философія представляется областью только крайне скучныхъ, педантичныхъ, запутанныхъ поученій, тогда какъ она въ дѣйствительности — *свѣтлая, великая и благая жизнь духа.* Мудрость, которая есть вѣчная мысль философіи, воплотившаяся въ душевной жизни, вовсе не отдѣляетъ человѣка ни отъ міра, ни отъ человѣчества, не дѣлаетъ его черствымъ, «глухимъ и слѣпымъ»; она *возвращаетъ* человѣка жизни, но возвращаетъ его уже сильнымъ, смѣлымъ, *знающимъ жизнь,* свободно властвующимъ ею; прекрасная, стройная, гармонично-дѣйствующая душа мудраго переживаетъ благую и прекрасную жизнь: его чувства возвышенны и нѣжны, мысль расширяется въ безконечное, воля стремится воплотить его безпредѣльную любовь...

«Истинное счастье не въ томъ, въ чемъ люди обыкновенно ищутъ его», — вотъ девизъ «Пути къ Истинѣ». И съ этимъ каждую минуту поневолѣ соглашаются многіе и многіе, прошедшіе достаточный жизненный искусъ и увидѣвшіе вполнѣ ясно полное ничтожество того, къ чему они всегда стремились съ такою жадностью и съ такимъ упорствомъ, пренебрегая собою, не замѣчая въ погонѣ за внѣшними сокровищами того дѣйствительнаго и неизмѣннаго сокровища, которымъ каждый человѣкъ надѣленъ отъ рожденія,—своей души... Но — уже поздно, и жизнь, какъ это почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, не переживешь сызнова. «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait»,—говоритъ

правдивая французская пословица. Но юность отчасти еще по неопытности не знаетъ, отчасти по самообольщенію не хочетъ знать цѣны жизни; старость же, умудренная горькимъ житейскимъ опытомъ, уже безсильна, однако, и осуждена казниться въ позорныхъ воспоминаніяхъ, если въ ея сумеркахъ засвѣтится огонекъ совѣсти и освѣтитъ долгій, — увы! — уже неизмѣнимый путь лжи, пустоты и ничтожества, который нѣкогда, по печальному непониманію, былъ такъ обольстителенъ и заманчивъ.

Н. Г.

ПУТЬ КЪ ИСТИНѢ.

(DHAMMAPADA).

I.

Глава двойныхъ стиховъ.

1) Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она исходитъ изъ нашихъ мыслей. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ со злою мыслью, страданіе неотступно слѣдуетъ за нимъ, какъ колесо за пятою вола, влекущаго повозку.

2) Наша жизнь—слѣдствіе нашихъ мыслей; она рождается въ нашемъ сердцѣ, она творится нашею мыслью. Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ доброю мыслью, радость слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, никогда его не покидающая.

3) „Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо мною, онъ поработилъ меня, онъ оскорбилъ меня“,—въ сердцѣ, встревоженномъ такими мыслями, никогда не угаснетъ ненависть.

4) „Онъ обидѣлъ меня, онъ восторжествовалъ надо-

мною, онъ поработилъ меня, онъ оскорбилъ меня",—кто не даетъ въ себѣ убѣжища такимъ помысламъ, тотъ навсегда заглушитъ въ себѣ ненависть.

5) Ибо не ненавистью побѣждается исходящее изъ ненависти: оно угашается любовью,—таковъ вѣчный законъ.

6) Люди мало думаютъ о своихъ дѣяніяхъ; но кто обдумаетъ и пойметъ ихъ, у того ссоры и вражда престанутъ мгновенно.

7) Кто живетъ ища наслажденій, чьи страсти необузданы, кто несдержанъ въ пищѣ, лѣнивъ и безпеченъ, того внезапно поразитъ соблазнитель, какъ вихрь низвергаетъ слабое дерево.

8) Но кто не жаждетъ наслажденій, чьи чувства обузданы, кто умѣренъ въ пищѣ, кто вѣренъ и строгъ, того не побѣдитъ соблазнъ, скорѣе вихрь опрокинетъ горы.

9) Кто облекается въ одежду монаха, не очистивъ себя отъ грѣха, кто небрежетъ терпѣніемъ и правдою, тому не пристало монашеское рубище.

10) Нѣтъ, только тотъ достоенъ одежды монаха, кто очистился отъ грѣха, окрѣпъ въ добродѣтеляхъ, отрекся отъ себя и чтитъ правду.

11) Кто мнитъ правду во лжи и видитъ ложь въ истинѣ, тотъ никогда не постигнетъ истины и будетъ тщетно метаться въ заблужденіяхъ.

12) Но тотъ, кто узрѣлъ ложь во лжи и позналъ правду въ правдѣ, тотъ уже близокъ къ истинѣ, и путь его вѣренъ.

13) Какъ дождь неудержимо проникаетъ въ скудно закрытое зданіе, такъ и страсти легко проникаютъ въ сердце, незащищенное размышленіемъ.

14) Но какъ плотно покрытое зданіе не пропуститъ ливня, такъ и въ сердце, охраняемое размышленіемъ, не прорвутся страсти.

15) Творящій злое восплачетъ въ этомъ мірѣ и восплачетъ въ будущемъ,—въ обоихъ мірахъ восплачетъ грѣшный; онъ будетъ страдать и плакать, когда познаетъ все зло своихъ дѣяній.

16) Добродѣтельный счастливъ въ этомъ мірѣ и возрадуется въ будущемъ,—въ томъ и другомъ мірѣ счастливъ добрый; онъ радуется и ликуетъ, созерцая чистое и благое своихъ дѣлъ.

17) Творящій злое страждетъ въ этомъ мірѣ и страждетъ въ томъ,—и въ томъ и въ этомъ мірѣ страждетъ грѣшникъ; онъ страждетъ въ содѣянномъ имъ злѣ и страждетъ, шествуя по злому пути.

18) Добродѣтельный счастливъ въ этомъ мірѣ и счастливъ въ будущемъ,—въ обоихъ мірахъ счастливъ добрый; онъ радуется о содѣянномъ имъ добрѣ, радуется онъ и шествуя стезею добра.

19) Много и прекрасно говоритъ о законѣ малодушный, но не исполняетъ его: не имѣетъ онъ доли въ истинномъ монашествѣ, уподобляясь пастырю, зорко блюдущему чужія стада.

20) Но кто угасилъ въ себѣ вожделѣнія, угасилъ

ненависть и страсти, кто обладаетъ вѣрнымъ знаніемъ и достигъ тишины и ясности духа, кто не печется ни о чемъ ни въ этомъ мірѣ ни въ будущемъ, тотъ,—хотя бы и мало онъ могъ говорить о законѣ,—и есть истинный послѣдователь закона и имѣетъ вѣрную долю въ монашествѣ.

II.

Глава о размышленіи.

21) Размышленіе—путь къ безсмертію, легкомысліе—путь къ смерти. Бодрствующіе въ размышленіи не умираютъ никогда; легкомысленные, невѣдующіе подобны мертвымъ.

22) Подвижники истины, подвизающіеся въ размышленіи, наслаждаются въ немъ и радуются радостью избранныхъ.

23) Нирваны, высочайшаго счастья, достигаютъ эти мудрецы, самоуглубленные, размышляющіе, обладающіе истиннымъ могуществомъ.

24) Непорочный, чистый въ помыслахъ и чистый въ дѣяніяхъ, слѣдующій закону, размышляющій и смиренный, возвеличится въ славѣ своей.

25) Неустанно бодрствуя, пребывая въ размышленіи, обуздывая себя, мудрецъ созидаетъ себѣ неприступный островъ, куда не достигнетъ до него никакой приливъ.

26) Къ суетному стремятся безумцы; мудрецъ хранитъ свои думы, какъ лучшее сокровище.

27) Не предавайся суетнымъ мечтамъ, не предавайся наслажденіямъ любовныхъ страстей. Только пребывающіе въ размышленіи достигаютъ неизмѣннаго счастья.

28) Внизъ на безумцевъ смотритъ мудрый, освободившійся отъ узъ невѣдѣнія, достигшій утесистыхъ высотъ мудрости; спокойный, онъ взираетъ на волненія шумной толпы, какъ стоящій на вершинѣ горы смотритъ, отдаленный, на тѣхъ, кто кишитъ тамъ внизу, при долинѣ.

29) Задумчивый въ толпѣ пустыхъ, бодрствующій среди погруженныхъ въ сонъ, въ даль стромится мудрецъ, подобно кровному коню въ табунѣ степныхъ лошадей.

30) Разумностью достигъ Индра владычества надъ богами; народъ славитъ разумность, легкомысліе же порицается всюду.

31) Въ размышленіи наслаждается отшельникъ; онъ бѣжитъ легкомыслія. Подобно огню, разрушаетъ мудрый всѣ связующія его тѣлесныя и душевныя узы.

32) Въ размышленіи наслаждается отшельникъ; онъ бѣжитъ легкомыслія. Не потеряетъ мудрый достигнутаго совершенства, — онъ уже близокъ къ Нирванѣ.

III.

Глава о мысли.

33) Какъ стрѣлокъ выпрямляетъ стрѣлу, такъ выпрямляетъ мудрецъ свою неустойчивую и колеблющуюся мысль, строптивую и непокорную.

34) Какъ бьется рыбка, выброшенная на сушу изъ родной воды, такъ трепещетъ наше сердце въ постоянномъ страхѣ и боязни смерти.

35) Благо—укрощать свой строптивый, непослушный, необузданный умъ: укрощенный умъ приноситъ счастье.

36) Пусть мудрый блюдетъ свои мысли, коварно стремящіяся въ бурномъ потокѣ: счастье несутъ съ собою укрощенныя мысли.

37) Въ даль несутся безтѣлесные помыслы, тихо крадутся они, глубоко сокровенные; кто подчинитъ ихъ себѣ, кто обуздаетъ ихъ, тотъ освободится отъ узъ соблазна.

38) Если разсѣянны мысли человѣка, если не позналъ онъ истиннаго закона, если возмущенъ миръ его души,—никогда не достигнетъ онъ совершенства.

39) Чьи мысли не разсѣяны, чей духъ не смущенъ, кто навсегда покинулъ заботы о полезномъ и вредномъ, для того нѣтъ болѣе ни страха ни опасенія,—ибо онъ бодрствуетъ.

40) Вѣдая, что тѣло твое подобно легко разбивающемуся глиняному сосуду, изъ мыслей своихъ сотвори неприступную крѣпость, съ оружіемъ познанія напади на соблазнъ и неослабно бди надъ нимъ, даже и побѣжденнымъ.

41) Увы! уже скоро это тѣло будетъ распростерто на землѣ, жалкое, безпомощное, несознающее, подобное ненужному отбросу.

42) Зломъ воздастъ тебѣ твой врагъ, больно отпла-

титъ ненавистникъ,—но несравненно горшее зло принесетъ тебѣ заблуждающійся умъ.

43) Ни отецъ, ни мать, ни родные, ни близкіе не сдѣлаютъ тебѣ такъ много добраго, какъ твой умъ, избравшій вѣрный путь.

IV.

Глава о цвѣтахъ.

44) Кто побѣдитъ эту землю, кто поразитъ царство смерти и владычество боговъ? Кто изберетъ лучезарный путь добродѣтели, какъ благородный избираетъ прекрасный цвѣтокъ?

45) Познавшій истину побѣдитъ эту землю, поразитъ силу смерти и властительство боговъ. Познавшій истину изберетъ свѣтлый путь доброй жизни, какъ благородный избираетъ лучшій цвѣтокъ.

46) Кто созналъ тлѣнность своего тѣла, кто разгадалъ его призрачную жизнь, тотъ преломитъ разукрашенныя цвѣтами стрѣлы соблазнителя, тотъ никогда не узритъ владыку смерти.

47) Внезапно смерть похищаетъ человѣка, беззаботно собирающаго цвѣты, ищущаго наслажденій, какъ нежданный разливъ смываетъ спящее селеніе.

48) Внезапно смерть настигаетъ человѣка, собирающаго цвѣты радости, беззаботнаго, настигаетъ прежде, чѣмъ онъ насытится въ наслажденіяхъ.

49) Какъ пчела, облетая цвѣты, только собираетъ съ

нихъ медъ, но не вредитъ имъ, не уноситъ съ собою ихъ цвѣта и запаха, такъ и мудрый проходитъ по селеніямъ.

50) Не злобность другихъ, но ихъ ошибки, не грѣховность ихъ дѣяній долженъ примѣчать мудрый человѣкъ,—въ свои только дѣянія, только въ свои ошибки вникаетъ разумный.

51) Цвѣтку, красивому на видъ, но неблагоуханному, подобны прекрасныя слова того, чья жизнь далеко не соотвѣтствуетъ имъ.

52) Но благородныя слова того, чьи поступки согласны съ ними, подобны цвѣтку, прекрасному и душистому.

53) Много прекрасныхъ вѣнковъ можно сплесть изъ полной корзины цвѣтовъ; много прекраснаго можетъ внести въ свою жизнь смертный.

54) Не несутся противъ вѣтра ароматы жасмина и мускуса; только дѣянія добраго разносятся всюду: добродѣтельный обнимаетъ собою каждое мѣсто.

55) Всѣ ароматы сандаловаго дерева и мускуса, всѣ ароматы жасмина и нѣжнаго лотоса — ничто предъ благоуханіемъ добродѣтели.

56) Скуденъ ароматъ мускуса, скуденъ ароматъ сандала: благоуханіе добродѣтели возносится превыше боговъ.

57) Къ тому, кто пребываетъ въ размышленіи, кто сталъ свободенъ чрезъ познаніе истиннаго, — къ тому, вѣрному и доблестному, не найдетъ путей владыка смерти.

58—59) Какъ на мусорныхъ кучахъ, выброшенныхъ

на края дороги, выростаетъ лотосъ, душистый и нѣжный,— такъ восходитъ въ чистой красотѣ своей мудрости ученикъ Просвѣтленнаго, ученикъ Будды, среди людей, блуждающихъ во маракѣ.

V.

Глава о безумцѣ.

60) Долга ночь бодрствующему, дологъ путь усталому, томительна жизнь безумца, не познавшаго истиннаго закона.

61) Если не встрѣтилъ путникъ сотоварища, равнаго себѣ, или лучшаго себя, пусть онъ неуклонно держится одинокаго странствія: ибо горе несетъ съ собою дружба съ безумцемъ.

62) „Мнѣ принадлежатъ эти сыновья, мнѣ принадлежатъ эти богатства",—вотъ мысли безумца. Какъ могутъ сыновья и богатства принадлежать ему, когда онъ самъ не принадлежитъ себѣ?...

63) Есть еще умъ въ глупцѣ, сознающемъ свою глупость; но тотъ неразумный, который твердо увѣренъ въ своей мудрости,— тотъ уже истинно безумецъ.

64) Всю жизнь проведетъ глупецъ подлѣ мудраго и ни мало не познаетъ истины, какъ никогда ложка не пойметъ вкуса пищи.

65) И на одну только минуту сойдясь съ мудрымъ, разумный человѣкъ познаетъ истину, какъ языкъ легко ощутитъ вкусъ пищи.

66) Безумцы—враги сами себѣ; они творятъ злыя дѣянія, которыя имъ же принесутъ горькіе плоды.

67) Не во благо содѣяно то дѣяніе, въ которомъ раскаевается человѣкъ и воздаяніе за которое получаетъ онъ съ воплемъ и съ лицомъ, орошеннымъ слезами.

68) Нѣтъ, только то дѣяніе содѣяно во благо, въ которомъ не раскаевается человѣкъ и воздаяніе за которое получаетъ онъ въ радости и веселія.

69) Злое творитъ безумецъ и думаетъ, что это—медъ, но скорбью наполнится его сердце, когда вполнѣ созрѣютъ всѣ плоды его злого дѣянія.

70) Пусть постится безумецъ, пусть онъ сосетъ только разъ въ мѣсяцъ былинку,— все же онъ недостоенъ и ничтожной доли познавшаго истину.

71) Не киснетъ свѣже нацѣженное молоко, не даетъ немедленно плода злое дѣло, но какъ огонь, зарытый въ пеплѣ, оно исподволь жжетъ и мучитъ безумца.

72) Горе несетъ съ собою плодъ злого дѣла, онъ караетъ безумца, онъ разсѣиваетъ свѣтлую участь его.

73—74) Вотъ тщеславится безумецъ, вотъ ищетъ онъ первенства среди отшельниковъ, господства въ совѣтѣ, поклоненія отъ людей. „Пусть думаютъ міряне и духовные, что все должное свершено уже мной; пусть подчиняются они мнѣ во всякой вещи, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время“,—таковы мечты безумца, и его похоти и гордость все возрастаютъ въ нихъ.

75) „Одинъ путь ведетъ къ богатству, иной путь

ведетъ къ Нирванѣ,“—если сознала это монахъ, ученикъ Пробужденнаго, не станетъ онъ сокрушаться о прежнихъ почестяхъ: онъ будетъ стремиться къ уединенію.

VI.

Глава о мудромъ.

76) Если ты узришь разумнаго человѣка, который повѣдаетъ тебѣ, гдѣ хранится вѣрное сокровище, который изъяснитъ тебѣ опасные пути и отринетъ возраженія,— послѣдуй за нимъ, послѣдуй за тѣмъ мудрымъ; благо будетъ тому, кто послѣдуетъ за нимъ.

77) Пусть увѣщеваетъ онъ, пусть поучаетъ и запрещаетъ недолжное; возлюбленъ будетъ онъ добрыми, и только злые возненавидятъ его.

78) Не имѣй дружбы съ творящими злое, не имѣй дружбы съ низкими людьми; пусть только добродѣтельные будутъ твоими друзьями, пусть будутъ друзья твои лучшіе изъ людей.

79) Кто почерпаетъ въ законѣ, тотъ счастливъ и покоенъ; мудрый наслаждается въ познаніи закона и радуется въ истинѣ онъ, прославленный среди избранныхъ.

80) Стремительный потокъ воды укрощенъ въ каналахъ; стрѣлокъ выпрямляетъ непослушныя стрѣлы; плотникъ обтесываетъ твердое дерево; мудрый укрощаетъ свой бурный духъ.

81) Непотрясаема вихремъ стоитъ могучая скала, ни хвалы, ни порицанія не поколеблютъ мудраго.

82) Законъ и истину позналъ мудрый,—онъ тихъ и покоенъ, какъ покойно глубокое, свѣтлое озеро.

83) Всѣ пути равны мудрецу,—онъ не жаждетъ наслажденія, никакими желаніями не волнуется тихій; счастье и огорченіе безразличны мудрому, ни надменнымъ ни приниженнымъ никогда не будетъ просвѣщенный.

84) Если не жаждетъ человѣкъ ни сыновъ, ни богатства, ни знатности, если не ищетъ онъ преуспѣянія неправедными путями,—онъ благъ, мудръ и добродѣтеленъ.

85) Лишь немногіе могучіе смѣло переплывутъ этотъ бурный потокъ, остальные же только взадъ и впередъ носятся по теченію въ виду берега.

86) Стремителенъ, трудно преоборимъ этотъ потокъ жизни и смерти; лишь тѣ переплывутъ его, кто постигъ истину, ясно возвѣщенную, кто идетъ стезею закона.

87) Свѣтъ покидаетъ мудрый, онъ посвящаетъ себя великому подвигу. Покинувъ домъ, блуждая безъ крова, онъ, одинокій, обрѣтаетъ радости въ томъ, въ чемъ люди не видятъ услады.

88) Отринувъ всѣ наслажденія, ничего не называя своимъ, мудрый очистился отъ всего, что можетъ поработить разумъ.

89) Искушенные во всѣхъ областяхъ познанія, свободные отъ влеченій, угасившіе страсти,—тѣ просвѣтленные наслаждаются въ свободѣ отъ всякихъ узъ.

VII.

Глава о достопочтенномъ.

90) Кто окончилъ свое странствіе, кто побѣдилъ печаль, кто очистился отъ всего нечистаго и сорвалъ съ себя всѣ оковы, для того, достопочтеннаго, уже нѣтъ болѣе страданія.

91) Вдаль стремятся они, погруженные въ раздумье, въ жилищѣ ихъ нѣтъ имъ услады; какъ лебеди, покидающіе родное озеро, бросаютъ они отчизну и отчій домъ.

92) Какъ воздушный путь птицъ, неуловимъ путь того, кто отрекся довольства, шествуетъ стезею познанія, кто вперилъ взоръ свой въ Неописуемое, кто къ Нирванѣ устремилъ свои помыслы.

93) Какъ воздушный путь птицъ, неуловимъ путь того, чьи угасли похоти, кто вперилъ взоръ свой въ Неописуемое, кто къ Нирванѣ устремилъ свои помыслы.

94) Даже боги завидуютъ тому, чьи обузданы чувства, какъ кони, укрощенные возницей, кто свободенъ отъ гордости, кто очистился отъ мечтаній.

95) Терпѣливъ какъ земля, крѣпокъ какъ стрѣлы Индры, исполнившій должное; онъ подобенъ чистому, прозрачному озеру, никогда не возвратится онъ на стезю земного блужданія.

96) Тихи его помыслы, покойно его слово и дѣяніе; свободенъ познавшій истинное, умиротворенъ достопочтенный.

97) Великъ среди людей тотъ, кто позналъ нетлѣн-

ное,—онъ порвалъ всѣ былыя узы, онъ отринулъ всякую похоть и отстранилъ всякій соблазнъ.

98) Въ поселкѣ или въ лѣсу, на горахъ или въ долинѣ,—вездѣ, гдѣ ни обитали бы святые, восхитительно жилище ихъ.

99) Прекрасна непроходимая лѣсная чаща; гдѣ ничто нерадуетъ мірянъ, тамъ радуются духовные: никакія влеченія не волнуютъ ихъ, свободныхъ отъ похотей.

VIII.

Глава о тысячахъ.

100) И изъ тысячи словъ состоитъ рѣчь, но безсмысленны слова эти; лучше одно разумное слово, несущее успокоеніе слушателю.

101) И изъ тысячи стиховъ сложена пѣснь, но безсмысленны тѣ стихи; лучше одинъ стихъ, проливающій успокоеніе въ сердце слушателя.

102) Тысячи поученій говоритъ человѣкъ, но нѣтъ въ нихъ разумнаго слова; лучше одно слово закона, дающее слушателю успокоеніе.

103) Тьмы тысячъ побѣдилъ въ битвѣ доблестный витязь; но превыше его славный, побѣдившій самого себя.

104) Славнѣе всякой иной побѣды побѣда надъ самимъ собою.

105) Ни Дивы, ни Мара, ни Гандарвы не побѣдятъ

того, кто укротилъ самого себя, кто вполнѣ обузданъ собою, кто самъ владыка себѣ.

106) Тысячи жертвъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ приноситъ человѣкъ; но одна минута, въ которую онъ почтитъ достойнаго; почтитъ познавшаго истину, лучше нежели жертвы сотенъ лѣтъ.

107) Сотни лѣтъ возжигаетъ человѣкъ въ лѣсу жертвы; но одна минута, въ которую онъ почтитъ того, кто достигъ вѣрнаго знанія, лучше чѣмъ эти жертвы сотенъ лѣтъ.

108) Цѣлый годъ приноситъ жертвы иной человѣкъ, жаждущій получить награду,—ничто его жертвы предъ воздаяніемъ должнаго праведному.

109) Кто чтитъ и привѣтствуетъ старость,—тому, достойному, пріумножится счастье, жизнь, могущество и благо.

110) Цѣлый вѣкъ проживетъ неразумный, недѣятельный; но лучше того одинъ день жизни добродѣтельной и размышляющей.

111) Сотни лѣтъ проживетъ необузданный, сотни лѣтъ проживетъ неразумный; но лучше того одинъ день жизни человѣка мудраго, пребывающаго въ размышленіи.

112) Сотни лѣтъ проживетъ человѣкъ лѣнивый, сотни лѣтъ проживетъ малодушный; но лучше одинъ день жизни человѣка добраго и могущественнаго.

113) Сотни лѣтъ проживетъ человѣкъ, не постигшій этой юдоли странствованій; но лучше одинъ день жизни того, кто вѣдаетъ начало и конецъ.

114) И одинъ день жизни человѣка, познавшаго путь

безсмертія, лучше нежели сотни лѣтъ, прожитыхъ въ невѣденіи завѣта освобожденія.

115) И одинъ день жизни человѣка, постигшаго высокую цѣль, лучше чѣмъ сотни лѣтъ жизни, далекой отъ познанія святой истины.

IX

Глава о злѣ.

116) Кто къ доброму обращается своею мыслью, того не коснется злое; небрегущій добродѣтелью склоненъ ко злу.

117) Если дурное привыкъ совершать человѣкъ, — пусть не творитъ онъ его болѣе; пусть не любитъ онъ болѣе зла: за зломъ слѣдуетъ страданіе.

118) Если доброе свершаетъ человѣкъ, пусть онъ и впредь поступаетъ такъ; пусть радуется онъ добру: ему сопутствуетъ счастье.

119) Творящій злое благоденствуетъ, пока не созрѣлъ плодъ его злыхъ дѣяній; но когда вызрѣетъ этотъ плодъ, тогда въявь увидитъ все зло свое творящій беззаконіе.

120) Злые дни видитъ добродѣтельный,—все еще не созрѣли плоды его добрыхъ дѣлъ; но блаженъ онъ будетъ, когда дѣла его принесутъ добрые плоды.

121) Пусть человѣкъ не думаетъ легкомысленно о злѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: оно, вѣдь, не коснется меня. Малыми каплями наполняется водный сосудъ; весь наполняется зломъ безумецъ, мало по малу творя злое.

122) Пусть человѣкъ не думаетъ небрежно о добрѣ, говоря въ сердцѣ своемъ: оно, вѣдь, не приблизится ко мнѣ. Капля за каплей вода наполняетъ сосудъ,— мудрый, даже по малу творя доброе, весь исполняется добрымъ.

123) Какъ купецъ, везущій дорогіе товары и плохо охраняемый, избѣгаетъ опасныхъ дорогъ, какъ человѣкъ, который дорожитъ жизнью, бѣжитъ отъ ядовитыхъ змѣй, такъ и ты избѣгай всего вреднаго, всего грѣховнаго.

124) Если не поранена рука человѣка, онъ можетъ коснуться змѣинаго яда,— не опасенъ ядъ здоровой рукѣ; только для того безвредно зло, кто самъ не творитъ злаго.

125) Кто обижаетъ беззащитнаго, чистаго, невиннаго, зло падетъ на главу того безумца, какъ прахъ, разносимый вихромъ.

126) Вновь возраждаются люди: въ высь восходятъ благіе, злые же низвергаются въ бездну; тотъ, кто свободенъ отъ всѣхъ земныхъ желаній, достигнетъ блаженства угашенія.

127) Ни въ небесахъ, ни въ глубинѣ моря, ни въ горныхъ ущельяхъ,—нигдѣ во всемъ мірѣ не укроется человѣкъ отъ своей вины.

128. Ни въ выси небесной, ни въ безднѣ морской, ни въ разщелинахъ скалъ,—нигдѣ во всемъ мірѣ не найдешь убѣжища, гдѣ бы смерть не настигла тебя.

X.

Глава о воздаяніи.

129) Все живое трепещетъ мученія, все живое боится смерти; познай самого себя во всякомъ живомъ существѣ, и не убивай и не причиняй смерти.

130) Все живое отвращается отъ страданія, все живое дорожитъ своей жизнью; пойми-же самого себя во всякомъ живомъ существѣ,—не убивай и не причиняй смерти.

131) Кто, здѣсь ища себѣ счастья, мучитъ и убиваетъ другія существа, которыя также жаждутъ жизненныхъ радостей, тотъ не найдетъ счастья по смерти.

132) Кто, ища здѣсь себѣ счастья, не мучитъ и не убиваетъ другихъ существъ, которыя также жаждутъ жизненныхъ радостей, того и по смерти ожидаютъ радости.

133) Не будь ни съ кѣмъ грубъ и суровъ: ибо легко и другой можетъ обратиться къ тебѣ съ тѣмъ-же; ярость ведетъ за собою страданіе, на ударъ отвѣчаютъ ударомъ.

134) Подобно разбитому колоколу, ты не издашь болѣе звука,—ты угашенъ, ты покоенъ, и ни споры ни соревнованія уже недоступны тебѣ.

135) Какъ пастухъ загоняетъ посохомъ свое стадо въ стойло, такъ старость и смерть подгоняютъ нашу жизнь.

136. Не сознаетъ еще безумецъ все зло своихъ дѣяній, но онъ пылаетъ въ нихъ, какъ бы сгорая въ огнѣ.

137) Кто причиняетъ страданіе беззащитнымъ и невиннымъ, тотъ скоро получитъ воздаяніе:

138) горькое страданіе постигнетъ его, жестокія потери и смерть, муки и безуміе поразятъ его;

139) онъ найдетъ злосчастную судьбу, потеряетъ жену и дѣтей, и разсѣются богатства его;

140) огонь испепелитъ его жилище,—и по разрушеніи тѣла въ бездну падетъ онъ, не имущій покоя.

141) Ни нагота, ни власяница, ни грязь, ни постъ, ни сонъ на не покрытой землѣ, ни осыпаніе главы пепломъ, ни неподвижная сосредоточенность, — не очистятъ смертнаго, не побѣдившаго въ себѣ страстей.

142) Тотъ же, кто хотя бы и былъ одѣтъ въ дорогія ткани, но упражняетъ спокойствіе, терпѣливъ, кротокъ, сдержанъ, цѣломудренъ, не приноситъ зла другимъ существамъ,—онъ и есть истинный брахмана, доблестный мудрецъ, вѣрный аскетъ.

143) Есть ли въ мірѣ человѣкъ, столь смиренный и кроткій, что не думалъ бы о воздаяніи, какъ хорошо выѣзжанный конь не думаетъ о бичѣ?

144) Будь добръ и ретивъ, какъ хорошо объѣзженный конь, возбужденный бичемъ! Вѣрностью, добродѣтелью, размышленіемъ, любовью къ закону, ты побѣдишь это великое страданіе, совершенный въ жизни и знаніи, никогда не забывающій должное

145) По своей мысли направляетъ теченіе воды канализаторъ; стрѣлокъ выпрямляетъ стрѣлу; плотникъ обдѣлываетъ дерево; добродѣтельный укрощаетъ самого себя.

XI.

Глава о старости.

146) Можно ли смѣяться, можно ли беззаботно веселиться, когда весь міръ объятъ разрушающимъ пламенемъ! О, зачѣмъ не ищете свѣта вы, окруженные мракомъ?

147) Взгляни на эту разодѣтую тѣнь, состоящую изъ ранъ, хилую, одержимую желаніями, не имущую ни силы ни защиты.

148) Истощено это тѣло, хилое и немощное, будто готово разсыпаться оно на куски, — жизнь въ немъ уже переходитъ въ смерть...

149) Голый черепъ похожъ на тыкву, сорванную осенью... Можно ли радоваться, можно ли еще веселиться?..

150) Эта крѣпость была сдѣлана изъ костей, покрыта мясомъ и напитана сокомъ крови, — и вотъ обитаетъ въ ней старость и смерть, гордость и высокомѣріе...

151) Разрушаются драгоцѣнныя колесницы царей, старость близитъ къ разрушенію тѣло; только ученіе добрыхъ не старѣетъ, не рушится, — пусть благородные возвѣщаютъ благороднымъ.

152) Человѣкъ, небрегущій ученіемъ, растетъ подобно быку: тучнѣетъ его тѣло, но не возрастаетъ мудрость.

153) „Я прошелъ путь безчисленныхъ рожденій, ища устроителя этой сѣни: — мучительно вѣчно - возникающее возрожденіе!..

154) Но теперь ты разгаданъ, строитель земной сѣни, ты не построишь ее болѣе. Разрушены всѣ скрѣпленія твоего зданія, разбиты верхи; душа, близкая къ вѣчному, достигла угашенія всѣхъ желаній"...

155) Кто не соблюлъ ученіе, кто въ дни юности не позаботился объ истинномъ сокровищѣ, тотъ неминуемо погибнетъ, какъ погибаютъ цапли, поселившіяся въ пруду, гдѣ вымерла рыба.

156) Кто не соблюлъ ученіе, кто въ дни юности не позаботился сохранить вѣрное сокровище, тотъ живетъ подобно сломанному луку, оплакивающему свою давно погибшую силу.

XII.

Глава о самости.

157) Если человѣкъ дорожитъ собою, пусть онъ заботливо охраняетъ себя,—пусть бодрствуетъ онъ въ мудрости ночные часы.

158) Пусть самого себя прежде укрѣпитъ мудрый на правомъ пути и—тогда поучаетъ, такой мудрецъ не споткнется никогда.

159) Только тотъ поучающій, который съумѣлъ обуздать самого себя, можетъ побѣдить другихъ: ибо всего труднѣе побѣдить самого себя.

160) Нашъ господинъ—наше „я",—гдѣ же можно найти высшаго владыку? Подчинивъ себя себѣ, человѣкъ найдетъ лучшаго себѣ властелина.

161) Злое творитъ безумный,—злое раститъ и готовитъ въ себѣ; созрѣвши, злое уничтожитъ его же, какъ алмазъ раздробляетъ драгоцѣнный камень.

162) Тотъ, чья злоба не имѣетъ границъ, — тотъ, обвитый ею, какъ павеликой, скоро приведетъ самъ себя туда, куда хотѣлъ бы втолкнуть его только злѣйшій врагъ.

163) Легко свершаются дурныя дѣла, — дѣла, несущія намъ самимъ несчастія; то же, что благотворно и хорошо для насъ, дѣлается только съ трудомъ и неохотой.

164) Безумецъ, порицающій ученіе достойнаго, избраннаго, безупречнаго,—идя ложнымъ путемъ,—въ себѣ вынашиваетъ плодъ своего паденія, подобно дереву, ломающемуся подъ непосильной тяжестью своихъ же плодовъ.

165) Самъ творишь злое,—самъ страждешь; самъ бѣжишь отъ грѣховнаго,—самъ же очищаешь себя отъ зла. Самъ ты дѣлаешь себя чистымъ и нечистымъ; никто иной не будетъ твоимъ спасителемъ.

166) Пусть никто не забываетъ о своемъ долгѣ, хотя бы и заботясь о другихъ; познавшій долгъ свой, пусть неустанно бодрствуетъ надъ собою.

XIII.

Глава о мірѣ.

167) Не слѣдуй дурному ученію! Не блуждай во тьмѣ невѣдѣнія! Блюди себя отъ всего ложнаго и злого! Не влачись въ людской толпѣ!

168) Будь добръ и стоекъ! иди правымъ путемъ! Добродѣтельный счастливъ въ этомъ мірѣ и возрадуется въ будущемъ!

169) Шествуй правымъ путемъ, не склоняйся на пути грѣха и зла! Счастливъ добрый въ этомъ мірѣ и блаженъ въ будущемъ.

170) Какъ на взбившуюся пѣну смотри на этотъ міръ, взирай на него какъ на призракъ: тогда и царь смерти никогда не узритъ тебя.

171) Смотри на этотъ блестящій міръ, какъ на колесницу властителя,—въ нее впряглись глупцы, но мудрый и не прикоснется къ ней.

172) Кто, будучи нѣкогда нерадивъ, созналъ все же свою виновность, тотъ свѣтитъ въ этомъ мірѣ, какъ мѣсяцъ сквозь темныя тучи.

173) Тотъ, кто свои прежнія злыя дѣла покрылъ добрыми впослѣдствіи, свѣтится въ этомъ мрачномъ мірѣ, подобно мѣсяцу въ облачной ночи.

174) Непроглядной ночи подобенъ нашъ міръ,—только немногіе видятъ здѣсь ясно и вѣрно; только немногіе подымаются въ высь небесъ, какъ птицы, вырвавшіяся изъ силковъ.

175) Къ солнцу держатъ лебеди путь свой, они разрѣзаютъ пространства, одаренные чудесною силою; побѣдивъ Мару и его узы, высоко надъ этимъ міромъ воспаряютъ мудрые.

176) Лживый, дурной человѣкъ, преступившій законъ,

думаетъ беззаботно, что со смертью вполнѣ уже кончится его жизнь; такой человѣкъ способенъ склоняться ко всему злому.

177) Немилосердый не внидетъ въ царство боговъ; одни лишь безумцы порицаютъ щедрость; здѣсь уже созидаетъ себѣ счастье великодушный и готовитъ себѣ блаженство въ будущемъ.

178) Славнѣе господства надъ землею, прекраснѣе восхожденія до небесъ, славнѣе владычества надъ мірами — святая радость первыхъ ступеней освобожденія.

XIV.

Глава о Пробужденномъ.

179) Того, чья побѣда еще не побѣждена вновь, — того, противъ чьей побѣды никто не возстанетъ, — какимъ путемъ можно найти его, Пробужденнаго, всевѣдущаго, неуловимаго?...

180) Какимъ путемъ можно найти его, Пробужденнаго, просвѣтлаго, неузримаго, кого не введутъ въ соблазнъ никакія сѣти и отравы желаній?...

181) Даже боги завидуютъ ему, Пробужденному, стойкому, пребывающему въ размышленіи, мудрому, радостному въ покоѣ отдаленія отъ міра.

182) Тягостна жизнь среди смертныхъ, трудно проникновеніе въ истины ученія, трудно достиженіе степени Пробужденнаго.

183) Отвращаться отъ всего грѣховнаго, склоняться ко всему доброму, хранить чистоту помысловъ, — таковъ святой завѣтъ Пробужденнаго.

184) Пробужденный величаетъ терпѣніе высшею добродѣтелью, смиреніе — высочайшимъ блаженствомъ; недостоинъ имени отшельника тотъ, кто порабощаетъ ближняго, не аскетъ, кто обижаетъ его.

185) Ни порицать, ни оскорблять, жить согласно закону, быть умѣреннымъ въ пищѣ, въ глубокомъ уединеніи погружаться въ размышленія, — таково святое установленіе Будды.

186) Никакіе дожди золота не удовлетворятъ непрестанно растущія людскія вожделѣнія; мудръ тотъ, кто позналь, что страсти обманчивы и ведутъ съ собою только страданія.

187) Даже въ небесныхъ радостяхъ не найдетъ тотъ мудрый удовлетворенія: ученикъ, навсегда просвѣтленный, восхищается въ разрушеніи желаній.

188) Люди, гонимые страхомъ, ищутъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, въ глубинѣ священной рощи и у подножія алтарей;

189) но это не истинное убѣжище, но это не лучшее убѣжище, — укрывшись въ немъ, человѣкъ не избавится отъ страданія;

190) кто прибѣгаетъ къ Пробужденному, къ его закону и установленію, кто въ ясной мудрости позналъ четыре святыя истины:

191) истину о страданіи, истину о началѣ страданія, истину объ его концѣ и святую восьмеричную стезю, ведущую къ угашенію страданія,—

192) тотъ нашелъ вѣрное убѣжище, тотъ нашелъ лучшее убѣжище; избравшій это убѣжище, навсегда освобождается отъ страданія.

193) Не легко найдешь Благороднаго, —онъ рождается не часто; преуспѣваетъ страна, гдѣ рождается мудрый.

194) Счастье—постичь Пробужденнаго; счастье—вѣрное знаніе закона; счастье — миръ въ святой общинѣ; счастье—успокоеніе въ подвигахъ.

195) Кто чтитъ достойныхъ почтенія, Пробужденныхъ и учениковъ ихъ, поборовшихъ всякое злое влеченіе, смѣло пересѣкающихъ этотъ бурный потокъ страстей и горя,—

196) кто чтитъ ихъ, нашедшихъ освобожденіе и не имущихъ страха, — неизмѣримъ тотъ въ своей благой славѣ.

XV.

Глава о счастьѣ.

197) О, какъ счастливы мы, проживая безъ ненависти къ ненавидящимъ насъ; среди ненавидящихъ насъ мы пребываемъ, свободные отъ вражды!...

198) О, какъ счастливы мы, безболѣзненные, среди людей, удрученныхъ болѣзнями. Среди людей немощныхъ проживаемъ мы, исцѣленные!...

199) О, какъ счастливы мы, свободные отъ жадно-

сти среди жадныхъ. Среди людей, снѣдаемыхъ жадностью, живемъ мы, свободные отъ нея!...

200) О, какъ счастливы мы, ничего не называя своимъ. Свѣтлымъ богамъ подобны мы, напоенные святостью!...

201) Побѣда порождаетъ ненависть, горе преслѣдуетъ побѣжденнаго. Счастливъ кроткій и успокоенный, — онъ далекъ отъ утѣхъ и далекъ отъ горя побѣды.

202) Нѣтъ огня жарче пламени страстей; нѣтъ ничего злѣе ненависти, нѣтъ страданій сильнѣе влеченія къ тѣлесному; нѣтъ высшаго счастья, кромѣ свѣтлаго успокоенія.

203) Голодъ—худшее изъ бѣдствій; безумная мечта жизни — величайшее страданіе; кто постигъ это, вѣрный истинѣ, для того высшее счастье — въ угашеніи.

204) Здоровье — величайшее благо; довольство — богатѣйшее изъ сокровищъ; спокойствіе — лучшій другъ; но высшее счастье въ угашеніи.

205) Кто испыталъ сладость уединенія и спокойствія, тотъ свободенъ отъ боязни и свободенъ отъ грѣха, тотъ питается неизмѣннымъ блаженствомъ, почерпая въ истинѣ.

206) Добро есть—знать избранныхъ, и истинное счастье—жить съ ними; счастливъ тотъ, кому не приходится сходиться съ глупцами.

207) Кто блуждаетъ здѣсь въ сообществѣ безумцевъ, тотъ страждетъ въ долгомъ пути невѣдѣнія, ибо какъ съ недругомъ мучительно содружество съ безумцемъ; дружба съ мудрымъ—счастье, какъ встрѣча съ дорогими родственниками.

208) Слѣдуй мудрому, опытному, терпѣливо грядущему, избранному; слѣдуй ему, разумному и благородному, какъ мѣсяцъ слѣдуетъ за звѣздами.

XVI.

Глава о наслажденіи.

209) Преданный тщеславію, легкомысленный, невѣдущій истины о жизни, влекомый наслажденіями, рано или поздно все же позавидуетъ тому бодрому, кто избралъ себѣ путь размышленія.

210) Не входи въ связь съ пріятнымъ тебѣ, бѣги и отъ связи съ непріятнымъ: горько быть въ разлукѣ съ любимымъ, и быть связаннымъ съ немилымъ — мучительно.

211) Пусть человѣкъ ничего не любитъ: зло—потеря возлюбленнаго. Кто ничего не любитъ и ни къ чему не питаетъ ненависти, тотъ свободенъ отъ связующихъ цѣпей *).

---

*) Это изреченіе легко можетъ быть принято за проповѣдь безсердечія, крайне замкнутаго эгоизма, что будетъ, однако, черезъчуръ поспѣшнымъ и несправедливымъ выводомъ. Здѣсь идетъ рѣчь о той любви, которая, какъ и ненависть, коренится въ жаждѣ жизни,—любви, не просвѣтленной въ сознаніи долга, добра, готовой на дурное, узкоэгоистичной, насквозь проникнутой похотью, однимъ словомъ, любви, идущей отъ души, еще не чистой, еще опутанной вожделѣніями, еще загашаемой прахомъ, но не угашающей въ себѣ порожденное его силою. *Н. Г.*

212) Изъ наслажденія возникаетъ печаль, изъ наслажденія возникаетъ страхъ; кто свободенъ отъ наслажденій, нѣтъ для того уже ни печали, ни страха.

213) Изъ страстей возникаетъ печаль, изъ страстей возникаетъ боязнь; кто свободенъ отъ страсти, для того нѣтъ ни печали, ни страха.

214) Изъ вожделѣнія возникаетъ печаль, изъ вожделѣнія исходитъ боязнь; кто свободенъ отъ вожделѣній, для того нѣтъ уже ни печали, ни страха.

215) Изъ любви возникаетъ горе, изъ любви возникаетъ страхъ; кто свободенъ отъ любви, для того уже нѣтъ печали, для того не бываетъ и страха.

216) Изъ жадности возникаетъ печаль, изъ жадности возникаетъ страхъ; кто свободенъ отъ жадности, для того нѣтъ болѣе ни страха ни горя.

217) Всегда дорожатъ тѣмъ человѣкомъ и чтутъ его, который вѣренъ закону, правдивъ и разуменъ, и дѣлаетъ только то, что достойно труда.

218) Кто волнуется одною лишь жаждой Неизъяснимаго, тотъ, умиротворенный и свободный отъ влеченій, назовется „пересѣкающимъ теченіе“.

219) Какъ человѣка, счастливо вернувшагося домой послѣ долгаго отсутствія, радостно привѣтствуютъ его родственники, друзья и близкіе,

220) такъ и добрыя дѣла, совершенныя здѣсь, тамъ, въ иномъ мѣстѣ, радостно встрѣчаютъ отшедшаго, привѣтствуютъ его, какъ друзья своего добраго друга.

XVII.

Глава о гнѣвѣ.

221) Отринь гнѣвъ, забудь гордость, освободись отъ всѣхъ путъ жизни! Никакое страданіе не постигнетъ человѣка, не привязаннаго къ имени и формѣ и ничего не зовущаго своимъ.

222) Лишь того назову я вѣрнымъ возничимъ, кто сдерживаетъ свой гнѣвъ, несущійся подобно стремительной колесницѣ; другіе же, безсильные, только держатся за поводья.

223) Побѣждай ярость любовью, отвѣчай добромъ на зло, скупость побѣждай щедростью, лжеца словомъ правды.

224) Будь правдивъ, не служи гнѣву; давай просящему,—о не многомъ, вѣдь, онъ проситъ тебя; къ богамъ приблизишься ты, шествуя этими тремя путями.

225) Мудрые, не приносящіе никому горя, грядущіе стезею святости, погрузятся въ Непреходящее, гдѣ угаснетъ всякая скорбь.

226) Кто неустанно бодрствуетъ, и днемъ, и ночью совершенствуясь въ вѣрномъ знаніи, кто горячо стремится къ Неугасному, тотъ угашаетъ въ себѣ всякую страсть.

227) И теперь и прежде высмѣиваютъ того, кто сидитъ въ молчаніи, высмѣиваютъ и того, кто много говоритъ, и того, кто говоритъ мало,—нѣтъ никого на землѣ, кто бы не былъ порицаемъ.

228) Никогда не было, никогда не будетъ и нѣтъ

никого, кого бы постоянно порицали, какъ нѣтъ и того, кто всегда былъ бы хвалимъ.

229) Если же разумный день за днемъ восхваляетъ Мудраго, Чистаго, Безупречнаго, Свѣтлаго,—

230) Его, подобнаго чистому золоту: кто посмѣетъ осмѣять такого человѣка? Сами боги чтутъ его, его восхваляетъ самъ Брама.

231) Воздержись отъ плотскихъ влеченій, будь господиномъ своего тѣла. Покинь стезю злыхъ дѣяній, вступи на путь добродѣтели!

232) Воздержись отъ гнѣвныхъ рѣчей, будь сдержанъ въ словахъ! Покинь стезю злыхъ рѣчей, будь всегда другомъ только добраго слова.

233) Останови свои гнѣвныя мысли, укроти свои злые замыслы! Забудь навсегда пути злыхъ замысловъ, будь добродѣтеленъ даже въ своихъ помыслахъ!

234) Навсегда умиротворены, вполнѣ покойны мудрые, укротившіе свои помыслы, обуздавшіе свои рѣчи и дѣянія.

XVIII.

Глава о нечистотѣ.

235) Вотъ ты подобенъ теперь увядающему листку, посланцы смерти приблизились къ тебѣ; ты стоишь у порога новаго пути и—увы! — не позаботился даже о запасахъ для дальняго странствованія...

236) Будь недоступенъ, какъ скалистый островъ, будь

твердъ и разуменъ! Отринувъ все нечистое, освободившись отъ зла, ты вознесешься въ царство избранныхъ.

237) Уже недалекъ конецъ, съ каждымъ днемъ ты все ближе и ближе къ смерти; на новомъ пути ты не найдешь себѣ мѣста отдохновенія,— и вотъ ты не позаботился даже о запасахъ для долгаго странствованія.

238) Будь подобенъ неприступному острову, будь твердъ и вѣренъ! Отринувъ все нечистое, освободившись отъ всякой злобы, ты никогда не узнаешь болѣе рожденія и смерти!

239) Пусть мудрый отметаетъ отъ себя все нечистое, какъ кузнецъ отчищаетъ грязь съ серебра, мало-по-малу, шагъ за шагомъ, въ благопріятное время.

240) Какъ ржавчина мало-по-малу въ конецъ разъѣдаетъ желѣзо, такъ и злыя дѣла грѣшника приводятъ его къ злому концу.

241) Неупражненіе—порокъ молитвенника; неисправность—посрамленіе дому; лѣность—порокъ тѣла; небрежность – срамъ стражника;

242) позоръ женщины — безстыдство; позоръ дающаго—жадность; — позоръ всѣмъ путямъ зла въ этомъ мірѣ и будущемъ!

243) Но вотъ горшій позоръ — ослѣпленіе, это худшій изъ позоровъ. О, ученики, очиститесь отъ него и будьте безупречны!

244) Легко живется безстыдному человѣку, хвастуну, хитрецу, хулителю, дерзкому и бездѣльнику;

245) но тяжела жизнь того смиреннаго, который непрестанно стремится къ непорочному, всегда кротокъ, разуменъ, безкорыстенъ.

246) Кто губитъ живыя существа, говоритъ ложь, завладѣваетъ чужимъ добромъ, увлекаетъ чужую жену,

247) и кто въ жаждѣ опьяненія, предается питью хмѣльныхъ напитковъ,—тотъ уже въ этомъ мірѣ подкапывается подъ свой собственный корень.

248) О, человѣкъ, познай, что погибель готовитъ себѣ не побѣдившій себя; блюдись, чтобы корысть и тщеславіе не вовлекли тебя въ печаль на долгія времена.

249) И большое и малое даяніе получаютъ нищенствующіе; кто сокрушается о лучшей пищѣ и питьѣ, полученныхъ другимъ, тотъ не найдетъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

250) Въ комъ угасла всякая зависть, въ комъ вырвана она съ корнемъ, тотъ наслаждается въ покоѣ и день и ночь.

251) Нѣтъ пламени жарче страстей, нѣтъ силковъ коварнѣе ненависти, нѣтъ узъ горшихъ безумія, нѣтъ потока бурнѣе зависти.

252) Легко замѣчаются заблужденія другихъ, но трудно замѣтить свои ошибки; любятъ разбираться въ ошибкахъ ближнихъ, но скрываютъ свои, какъ плутъ старается спрятать свою фальшивую игральную кость.

253) Склоненъ человѣкъ постоянно порицать другихъ: онъ взираетъ только на ихъ ошибки; но его собствен-

ныя страсти разростаются, все болѣе и болѣе отдаляя его отъ угашенія.

254) Нѣтъ слѣдовъ въ воздухѣ, не внѣшнимъ чѣмъ освящается монахъ. Люди радуются своимъ вожделѣніямъ, но счастье Совершенныхъ—въ полномъ освобожденіи отъ всякихъ влеченій.

255) Нѣтъ слѣдовъ въ воздухѣ, не внѣшнимъ чѣмъ освящается монахъ. Никакая тварь не вѣчна, только Пробужденные непоколебимы во вѣкъ.

XIX.

Глава о справедливости.

256) Несправедливъ тотъ человѣкъ, который творитъ дѣло съ насиліемъ; нѣтъ, только тотъ, кто различаетъ оба пути: правды и неправды,

257) кто поучаетъ другихъ и руководитъ ими не насиліемъ, но закономъ и справедливостью, кто вѣренъ правдѣ и разуму,—тотъ только назовется истинно-правдивымъ.

258) Не тотъ мудрецъ, кто держитъ добрыя и красивыя рѣчи; но кто терпѣливъ, свободенъ отъ ненависти и свободенъ отъ боязни, — тотъ только истинно мудрый человѣкъ.

259) Не тотъ вѣщатель правды, кто много говоритъ о ней; иной и мало говоритъ, но въ дѣлахъ своихъ осуществляетъ законъ,—онъ и есть истинный провозвѣстникъ закона, никогда не небрегущій правдою.

260) Не потому величают старцемъ человѣка, что посѣдѣла голова его: и зрѣлы могутъ быть его годы, но не удостоится онъ иного имени, кромѣ имени „втунѣ постарѣвшаго";

261) нѣтъ, только тотъ достоинъ вполнѣ имени старца, въ комъ обитаютъ: мудрость, доблесть, любовь, смиреніе и сдержанность, кто свободенъ отъ всего нечистаго, кто мудръ.

262) Ни хорошими рѣчами, ни красотою сложенія не заслужитъ почтенія человѣкъ завистливый, корыстный, безчестный;

263) но тотъ, въ комъ разрушено все дурное, въ комъ вырвано оно съ корнемъ, — тотъ, свободный отъ ненависти и мудрый, назовется достопочтеннымъ.

264) Не становится бритьемъ головы аскетомъ тотъ неразумный, чьи рѣчи лживы; можетъ ли быть подвижникомъ человѣкъ корыстный, плѣненный похотью?

265) Кто непрестанно угашаетъ въ себѣ дурное, — будь то большое или малое, — тотъ по истинѣ отшельникъ, ибо навсегда отошелъ онъ отъ всякаго зла.

266) Не потому человѣкъ — нищенствующій монахъ, что онъ проситъ подаянія, живетъ милостыней; но потому, что нѣтъ у него ничего, кромѣ наполняющаго его закона;

267) кто возвысился надъ мнѣніями толпы о дурномъ и хорошемъ, кто чистъ и къ мудрости протекаетъ по міру, тотъ — истинно нищій.

268) Не тотъ человѣкъ — монахъ молчальникъ, кто строго блюдетъ молчаніе, будучи безумцемъ и невѣждою;

269) но мудрецъ, берущій вѣсы и избирающій доброе, избѣгая злого, есть истинный монахъ-молчальникъ; да, только тотъ, кто въ молчаливомъ раздумьѣ взвѣшиваетъ обѣ стороны жизни, достоинъ имени монаха-молчальника.

270) Не потому человѣкъ властитель, что безсердечно мучитъ живыя существа, но потому, что онъ сострадателенъ ко всему живому, почтется именемъ избраннаго, именемъ властителя.

271) „Не чрезъ строгое моленье и послушаніе, не чрезъ многое наученіе, но чрезъ радости самоуглубленія, но чрезъ ночное уединенное бодрствованіе,

272) нахожу я счастье отреченія, котораго такъ боятся, такъ бѣгутъ люди... О, монахъ, не знай покоя, пока еще не достигъ ты угашенія всяческихъ желаній!“

XX.

Глава о пути.

273) „Восьмеричная стезя—лучшій путь; четыре святыя слова — лучшая истина; безстрастіе — высшая изъ добродѣтелей; лучшій человѣкъ—тотъ, кто видитъ ясно;

274) вотъ вѣрный путь, и нѣтъ иного, ведущаго къ очищенію; вступайте на этотъ путь,—всякій иной лежитъ въ области смерти;

275) шествуя этимъ путемъ, вы достигнете конца

страданій... Я возвѣстилъ этотъ путь, постигнувъ истину угашенія.

276) Ты самъ долженъ трудиться на этомъ пути,—совершенные только возвѣщаютъ истину. Тѣ разумные, которые бодро вступятъ на этотъ путь, освободятся навсегда отъ узъ смерти."

277) „Все сотворенное погибаетъ",—кто ясно сознаетъ и видитъ это, тотъ становится безучастнымъ ко влеченіямъ: таковъ путь очищенія.

278) „Всякое существованіе—пламя страданія," —кто сознаетъ это ясно, тотъ не будетъ страждать во вѣкъ: таковъ путь, ведущій къ очищенію.

279) „Всякія формы ложны и обманчивы",—кто сознаетъ это ясно, тотъ становится недоступнымъ печали: таковъ путь, ведущій къ очищенію.

280) Кто проводитъ во снѣ время должнаго бдѣнія, кто, будучи молодъ и силенъ, нерадивъ и безпеченъ, чья мысль и рѣшимость слабы, тотъ небрегущій никогда не найдетъ путей спасенія.

281) Блюди себя въ мысляхъ, блюди въ словѣ, охраняй отъ всего дурного свои дѣйствія. Соблюдая чистоту этихъ трехъ путей, ты вступишь на путь, начертанный Мудрымъ.

282) Мудрость выращивается ровностью, легкомысліе же губитъ ее. Пойми этотъ перекрестокъ жизни и смерти и избери тотъ путь, на которомъ возрастаетъ мудрость.

283) Выруби весь лѣсъ похотей, а не одно только

деревцо въ немъ. Губителенъ этотъ лѣсъ страстей. Вы-руби весь этотъ лѣсъ и загуби всю почву его,—тогда лишь только ты навсегда освободишься отъ похотей.

284) Пока ты не уничтожилъ до самаго корня похотливую привязанность свою къ женщинѣ, до тѣхъ поръ твой духъ будетъ привязанъ къ земному, какъ сосущій телецъ привязанъ къ своей матери.

285) Вырви всякое самолюбіе, какъ въ осеннее время вырываютъ лотосъ! Вспомни путь успокоенія, тотъ путь къ Неизмѣнному, о которомъ вѣщалъ Совершенный.

286) „Здѣсь я буду обитать во время дождей, тамъ я поселюсь лѣтомъ",—такъ мечтаетъ безумецъ, и не помышляетъ о смерти;

287) а она внезапно приходитъ и уноситъ человѣка, озабоченнаго, корыстнаго, разсѣяннаго, какъ наводненіе смываетъ спящую деревню.

288) Ни сынъ, ни отецъ, ни родные и близкіе,—никто не поможетъ намъ, когда поразитъ насъ смерть;

289) благой и мудрый, ясно сознавши смыслъ этого, быстро расчиститъ путь, ведущій къ успокоенію.

XXI.

Глава сборныхъ стиховъ.

290) Забвеніе ничтожной радости обѣщаетъ тебѣ великое наслажденіе; о, мудрый, покинь малое счастье и устреми свои помыслы къ великому.

291) Кто, въ погонѣ за здѣшнимъ счастьемъ, приноситъ горе другимъ, тотъ, окутанный сѣтями ненависти, никогда не освободится отъ нея.

292) Забывается доброе, совершается дурное,—безуміе горделивыхъ, невнемлющихъ разростается все болѣе и болѣе.

293) Мудрые, просвѣщеннымъ разумомъ зорко стерегущіе плотскія влеченія, отсѣкаютъ отъ себя все дурное и вѣрны долгу; они, непрестанно бодрствующіе, навсегда угасятъ въ себѣ похоти...

294) Безвреденъ для всѣхъ истинный монахъ, хотя онъ поразилъ жажду, убилъ невѣдѣніе, разрушилъ царство лжи и всѣхъ его подданныхъ.

295) Безвреденъ для всѣхъ вѣрный монахъ, хотя онъ убилъ жажду, поразилъ невѣдѣніе, царя похотей и всѣхъ ему подвластныхъ.

296) Ученики Будды Готамы всегда бодрствуютъ,—мысли ихъ день и ночь привязаны къ Господину.

297) Ученики Будды Готамы бодрствуютъ неустанно,—ихъ помыслы день и ночь покоятся на Законѣ.

298) Ученики Будды Готамы всегда бодрствуютъ,—ихъ мысли день и ночь покоятся на Уставѣ.

299) Бодры, не дремлютъ ученики Будды Готамы,—мысли ихъ день и ночь слѣдятъ за тѣлесностью.

300) Бодры, не дремлютъ ученики Будды Готамы, и день и ночь блаженствуютъ они въ кротости, добротѣ и терпѣніи.

301) Бодрствуютъ, не спятъ ученики Будды Готамы, днемъ и ночью радуются они, самоуглубленные.

302) Тяжело быть отшельникомъ, но тяжела и мірская жизнь; тяжело уединеніе, но мучительны и заботы о домѣ; тяжела жизнь съ сородичами, но мучительна и жизнь странствующаго... Не увлекайся странствованіемъ, освободись отъ всякаго страданія.

303) Во всякомъ мѣстѣ чтится вѣрный и доблестный, повсюду оцѣнивается славный.

304) Какъ снѣжную вершину горы, издалека видно достойнаго человѣка; порочные скользятъ въ темнотѣ, какъ стрѣлы, пущенныя ночью.

305) Неизмѣнно соблюдая правила одиночества, рѣшимостью поборая себя, радуясь въ успокоеніи, ты и въ глубинѣ лѣсовъ найдешь свое счастье.

XXII.

Глава о пути въ преисподнюю.

306) Говорящій ложь низвергается въ бездну; низвергается въ бездну отрицающій свою виновность; по смерти имъ предстоитъ равная участь,—оба они будутъ бѣдствовать въ томъ мѣстѣ.

307) Многіе люди, чьи плечи покрыты желтымъ одѣяніемъ, дурны и несдержанны; эти недостойные, наклонные ко злу, сами себя низвергаютъ въ бездну своими злыми дѣлами.

308) Лучше бы глотать раскаленныя ядра, пылающія

огнемъ, чѣмъ, творя злое и недостойное, жить людскими подаяніями.

309) Четыре наказанія выпадаютъ на долю нечестивца, соблазняющаго жену ближняго: - дурная слава,—тяжелые сны,—посрамленіе,—и въ концѣ всего путь въ преисподнюю.

310) Дурную славу и злой путь погибели ведутъ за собою краткія наслажденія любовниковъ, боязливо укрывающихся въ ночи; тяжкое наказаніе ждетъ ихъ,—пусть никто не думаетъ о женѣ ближняго.

311) Какъ рѣжетъ осока руку, такъ и ложныя формы аскетизма ведутъ къ погибели.

312) Лицемѣрныя дѣйствія, нарушенный обѣтъ, неискреннее исполненіе Устава,—все это не приводитъ къ доброму концу.

313). Исполняй должное, совершай надлежащее быть свершеннымъ по Уставу; хитрый и низкій аскетъ все только посыпается пепломъ...

314) Лучше не исполнить дурного дѣла,—ибо потомъ ты раскаешься въ немъ; свершай одно только доброе,—въ немъ ты никогда не раскаешься.

315) Какъ дозоры бдительно сторожатъ крѣпость, сторожатъ и вокругъ стѣнъ и внутри ея, такъ и человѣкъ долженъ бодро охранять себя, ни одно мгновеніе не упуская изъ виду; кто упуститъ изъ виду рѣшительную минуту въ жизни, тотъ неминуемо вступитъ на путь въ преисподнюю.

316) Кто стыдится непостыднаго и не стыдится безстыднаго, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

317) Кто боится не страшнаго и не содрогается предъ дѣйствительно страшнымъ, тотъ, слѣдуя ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

318) Кто непорочное считаетъ порочнымъ, а порочное—непорочнымъ, тотъ, преданный ложному мнѣнію, вступаетъ на злой путь погибели.

319) Только тотъ вступитъ на благой путь, кто, слѣдуя вѣрному ученію, пойметъ въ порочномъ—порочное и въ непорочномъ—непорочное.

XXIII.

Глава о слонѣ.

320) „Молчаливо я перенесу поношенія, перенесу терпѣливо, какъ слонъ, раненый въ битвѣ, въ молчаніи переноситъ страданія: въ природѣ людской много зла".

321) Ведутъ въ битву укрощеннаго слона, царь восходитъ на него, прирученнаго; великъ среди людей укрощенный, молчаливо переносящій поношенія.

322) Прекрасны прирученные мулы, и благородные кони, и слоны съ крѣпкими клыками; но всѣхъ прекраснѣе тотъ, кто укротилъ самого себя, — онъ великъ несравненно.

323) Ибо никто не проѣдетъ на этихъ животныхъ

тою непротоптанною дорогой, по которой пройдетъ только укротившій себя,—въ царство успокоенія.

324) Дикій слонъ, будучи пойманъ, не ѣстъ и не пьетъ,—все тоскуетъ онъ о родныхъ лѣсахъ, убѣжищѣ слоновъ.

325) Человѣкъ, ставшій ненасытнымъ обжорой, сонливъ и едва движется; такой лѣнивецъ, подобно откормленному слону, вновь и вновь возрождается.

326) „Нѣкогда, торжествуя, шумно празднуя, духъ мой стремился туда, гдѣ все радовало, все веселило и нравилось мнѣ; отнынѣ я бодро буду самъ направлять свой путь, какъ проводникъ управляетъ идущимъ слономъ".

327) Не будь легкомысленъ, блюди свои помыслы. Отвлекай себя отъ дурного пути, какъ слонъ, попавшій въ тину, вырывается изъ нея.

328) Если въ спутникѣ своемъ ты найдешь человѣка, который пойдетъ съ тобою рѣшительно, смѣло, обдуманно,—иди съ нимъ, иди съ тѣмъ мудрымъ рука-объ-руку, избѣгая опасностей: ты будешь доволенъ и счастливъ.

329) Если же ты не найдешь себѣ благоразумнаго спутника, который бы держалъ свой путь мудро, стойко, рѣшительно, шествуя подобно королю, возвращающемуся съ побѣды,—иди лучше одинъ, иди одиноко, какъ гордый слонъ въ одиночествѣ проходитъ лѣсомъ.

330) Лучше остаться одинокимъ, чѣмъ вступить въ союзъ съ глупцомъ; лучше въ одиночествѣ держать путь

свой, избѣгая всякаго злого дѣянія, спокойно и ясно, подобно лѣсному слону.

331) Счастье—имѣть друзей въ нуждѣ; счастье—довольство и удовлетвореніе; счастье—ясность духа въ послѣдній часъ жизни; счастье—забвеніе всякаго страданія;

332) счастье—быть матерью; счастье—быть отцомъ, счастье—стать монахомъ; счастье—состояніе неизмѣннаго блаженства;

333) счастье—въ добродѣтели, сохраненной до старости; счастье—въ полномъ довѣріи; счастье—въ близости къ истинѣ; счастье—не свершать ничего злого.

XXIV.

Глава о жаждѣ.

334) Все растетъ жажда безумца, все тянется она, подобно павеликѣ; онъ переходитъ отъ жизни къ жизни, какъ обезьяна, ищущая въ лѣсу плодовъ, прыгаетъ съ дерева на дерево.

335) Кто охваченъ этой низменной жаждой, этой жаждою, полной отравы, вокругъ того обовьются страданія, подобно бѣглой, вьющейся павеликѣ.

336) Кто побѣждаетъ эту жажду, эту жажду трудно побѣдимую въ мірѣ, отъ того отпадаютъ всѣ страданія, какъ съ листка лотоса скатываются дождевыя капли.

337) „Я говорю вамъ вѣщее слово: вы всѣ, собравшіеся вокругъ меня, вырывайте жажду до корня, какъ

искатель благовонныхъ травъ до конца вырываетъ растеніе, дабы властелинъ смерти не сокрушилъ васъ, какъ потокъ сокрушаетъ слабый тростникъ".

338) Какъ сломанное дерево еще крѣпко и вновь возраститъ, если уцѣлѣлъ его корень, такъ и изъ невырваннаго корня жажды вновь и вновь возрастаютъ страданія.

339) Губительныя волны унесутъ человѣка, избравшаго путь лжи, чьи страсти не обузданы, кто жадно стремится къ наслажденіямъ, стремится къ нимъ неудержимо.

340) Повсюду несутся потоки, быстро разростаются вьющіяся деревья; если ты замѣтишь въ себѣ ростокъ ползучаго дерева страстей, — вырви его до самаго корня, вырви его силою вѣрнаго знанія.

341) Безграничны и сладостны плотскія наслажденія; кто порабощенъ похотью и жаждетъ наслажденій, тотъ вновь и вновь проходитъ путь рожденія и смерти.

342) Люди, влекомые похотью, мечутся подобно зайцу, попавшемуся въ западню; навсегда увязшіе въ путахъ жажды, они вновь и вновь подпадаютъ страданію на долгія времена.

343) Люди, увлеченные потокомъ похотей, рвутся, какъ рвется заяцъ, попавшій въ тенета; пусть монахъ отринетъ всѣ похоти, если онъ стремится ко спасенію искренно.

344) Кто, уже свободный отъ жажды, вновь отдается ея приливу, кто, будучи извлеченъ изъ потока страстей,

вновь самъ бросается въ этотъ потокъ, — взгляните на этого человѣка, взгляните на безумца: уже освобожденный, онъ самъ себя вновь заковываетъ въ прежнія цѣпи!

345) Не крѣпки желѣзныя оковы, не тяжелы колодки, не мучительны веревочныя узы: такъ мыслятъ мудрые, — нѣтъ крѣпче оковъ, какъ оковы заботъ о драгоцѣнныхъ камняхъ и кольцахъ, о сынахъ и женахъ;

346) тѣ узы тяжки, по мысли мудрыхъ, которыя гнетутъ человѣка, которыя трудно распутать; сорвавъ эти узы, мудрые покидаютъ свѣтъ, свободные отъ заботъ, далеко за собой оставляя всѣ влеченія и услады.

347) Рабы страстей несутся потокомъ вожделѣній, какъ паукъ несется вѣтромъ на сотканной имъ же паутинѣ; сорвавъ ее, мудрые покидаютъ свѣтъ, свободные отъ заботъ, далеко за собою оставляя всѣ страсти.

348) Предай забвенію будущее, предай забвенію прошлое, забудь середину, если плывешь ты къ тому берегу бытія; свободный духомъ, ты никогда уже не войдешь вновь въ эту обитель возрожденія и разрушенія.

349) Кто охваченъ пламенемъ страстныхъ влеченій, кто жаждетъ того, что восхитительно, тотъ все раститъ только свои похоти и самъ себя навсегда крѣпко закуетъ въ цѣпи.

350) Кто помышляетъ только о радостяхъ успокоенія, кто, углубленный въ свои думы, счастливъ тѣмъ, въ чемъ люди не понимаютъ счастья, тотъ разорветъ эти цѣпи смерти, тотъ навсегда сброситъ ихъ.

351) „Я достигъ совершенства, я свободенъ отъ страха и свободенъ отъ грѣха, побѣдилъ жажду и разрушилъ всѣ подмостки жизни: я проживаю свое послѣднее бываніе“.

352) Кто свободенъ отъ жажды и свободенъ отъ страстей, кто постигъ Ученіе и его смыслъ, кто вѣдаетъ Уставъ, начало его и конецъ его, — тотъ переживаетъ здѣсь уже послѣднее свое бываніе, тотъ назовется достопочтеннымъ человѣкомъ, великимъ мудрецомъ.

353) „Я все побѣдилъ, я все знаю, во всѣхъ условіяхъ бытія стою я, свободный отъ привязанностей; я все покинулъ и сталъ свободенъ чрезъ разрушеніе жажды; чрезъ себя одного я достигъ познанія,—какое же наименованіе получу я?...“

354) Всѣ блага—ничто предъ благомъ истины; всѣ сладости — ничто предъ сладостью истины; блаженство истины безмѣрно превосходитъ всѣ радости; разрушеніе жажды угашаетъ всякое страданіе.

355) Наслажденія губятъ безумца, не ищущаго пристать къ неизмѣнно покойному берегу; самъ себѣ врагъ безумецъ: мечтая уготовать себѣ счастье, онъ ведетъ себя къ гибельному концу.

356) Сорныя травы загубили поля; страсти загубили людей; только благостный даръ безстрастія приводитъ къ блаженному концу.

357) Сорныя травы губятъ посѣвы, ненависть истощила людей; только нѣжный даръ кротости готовитъ великую награду.

358) Сорныя травы губятъ посѣвы, тщеславіе томитъ людей; лишь нѣжный даръ смиренія готовитъ великую награду.

359) Сорныя травы губятъ поля, похоти губятъ людей; только благостный даръ чистоты и непорочности приводитъ къ блаженному концу.

XXV.

Глава о нищемъ.

360) Благъ — соблюдающій чистоту взора, благъ — соблюдающій чистоту слуха; благъ — соблюдающій чистоту обонянія, благъ — соблюдающій чистоту вкуса;

361) благъ — соблюдающій чистоту чувства; благъ — соблюдающій чистоту мысли; благъ — соблюдающій чистоту рѣчи; благъ — тотъ, кто во всемъ блюдетъ чистоту; нищенствующій монахъ, охраняющій себя со всѣхъ сторонъ, навсегда освобождается отъ страданій.

362) Того только назову я нищимъ, того только я назову монахомъ, кто сдерживаетъ свои руки, кто сдерживаетъ свои ноги, кто обуздываетъ себя въ рѣчи, кто вполнѣ укрощенъ, кто радуется, углубленный въ размышленія, наслаждается въ блаженствѣ одиночества.

363) Мудро и кротко говоритъ монахъ, — онъ учитъ закону и правдѣ; сладка его рѣчь, укротившаго себя въ словѣ.

364) Кто живетъ по Уставу, радуется Ученію, бодр-

ствуетъ въ размышленіи, вникая въ смыслъ Закона, — тотъ, вѣрный и доблестный, навсегда будетъ преданнымъ возвѣщенной истинѣ.

365) Не считай ничтожнымъ никакое подаяніе, никогда не завидуй другимъ; монахъ, завидующій другому, никогда не достигнетъ душевнаго мира.

366) Ничтожную милостыню получаетъ монахъ, но не считаетъ ее ничтожною: сами боги восхваляютъ его, чистаго, благороднаго, терпѣливаго.

367) Кто въ своемъ преходящемъ, въ своемъ имени и въ своей тѣлесности не видитъ *себя*, кто не грустить о прошедшомъ,—тотъ и есть истинный нищій.

368) Кто умиротворенъ, кто успокоенъ въ вѣрномъ знаніи Ученія, — тотъ достигнетъ тихаго мѣста, достигнетъ блаженства угашенія всяческихъ желаній.

369) О, монахъ, опорожни тяжелый челнъ свой, — опорожненный онъ легко понесется; отринувъ страсти и ненависть, ты достигнешь блаженства успокоенія.

370) Отринь пять чувствъ, забудь пять чувствъ, навсегда освободись отъ нихъ! Монахъ, избѣгнувшій этихъ пятеричныхъ узъ, назовется „спасеннымъ отъ потока".

371) Бодрствуй, о монахъ! углубись въ размышленіе, забудь лѣность! Не дай прокрасться въ твое сердце жаждѣ наслажденій, соблюди себя отъ горькаго пламени невѣдѣнія, дабы не воскликнуть тебѣ нѣкогда въ печали: увы мнѣ!

372) Не дано глубокое размышленіе невѣдущему, и

мудрость не дана не углубленному въ размышленія; только самоуглубленный монахъ близокъ къ блаженству угашенія.

373) Одинокій въ своемъ бѣдномъ убѣжищѣ, но умиротворенный и покойный, онъ всегда восхищается въ высшей радости, въ радости яснаго созерцанія истиннаго.

374) Все глубже и глубже вникая въ сущность этого обманчиваго жизнесмертнаго видѣнія, онъ находитъ счастье и радость: счастье и радость — удѣлъ тѣхъ, кто постигъ безсмертное...

375) Вотъ первое, что надлежитъ здѣсь исполнить мудрому: зорко охранять чистоту чувствъ, довольствоваться и радоваться, подчиняясь закону, избирать благородныхъ друзей, чистыхъ жизнью, не небрегущихъ закономъ.

376) Пусть будетъ онъ милосердъ и кротокъ, пусть будетъ онъ совершенъ и чистъ безупречно; тогда — въ блаженствѣ и восторгѣ онъ достигнетъ конца всѣхъ страданій.

377) О, монахъ, стряхни съ себя всѣ страсти и стряхни ненависть, какъ кустъ жасмина сбрасываетъ съ себя увядшія листья.

378) Монахъ, покойный въ дѣйствіяхъ и словахъ, добрый и умиротворенный, отринувшій всѣ мірскія прелести, назовется „успокоеннымъ“.

379) Пробуждай самъ себя, бди надъ самимъ собою, тогда — защищенный собою и бодро внемлющій — ты будешь неизмѣнно счастливъ, о монахъ!

380) Ибо самъ ты — владыка себѣ, самъ ты — убѣ-

жище себѣ; посему обуздывай самъ себя, какъ обуздываютъ неприрученнаго кровнаго коня.

381) Навсегда радостный, навсегда утѣшенный въ вѣрномъ знаніи, — ты достигнешь тихаго мѣста, царства покоя и блаженства угашенія.

382) Кто, хотя бы и былъ онъ еще нѣжнымъ юношей, преданъ Уставу и Закону, тотъ свѣтитъ въ этомъ мірѣ, какъ мѣсяцъ въ безоблачной ночи.

XXVI

Глава о брахманѣ.

383) Пересѣки эти стремительные потоки, навсегда отринь отъ себя всѣ вожделенія, о брахмана! Понявъ разрушаемость сотвореннаго, ты узришь вѣчно неизмѣнное.

384) Если побѣдилъ брахмана обѣ стороны этой жизни, всѣ цѣпи спадутъ съ него, ясно постигшаго истинное.

385) Кто не думаетъ болѣе ни объ этой, ни о той сторонѣ жизни, того, безбоязненнаго и не потрясаемаго, назову я вѣрнымъ брахманой;

386) да, только того назову я вѣрнымъ брахманой, кто подвизается въ размышленіи, непорочный, безстрастный и доблестный, кто достигъ высочайшаго конца.

387) Ярко дневное солнце, свѣтелъ мѣсяцъ въ ночи, ясенъ витязь въ доспѣхахъ, свѣтелъ брахмана въ размышленіи; Ясный, Пробужденный неизмѣнно свѣтитъ и днемъ и ночью.

388) Брахмана — имя исцѣлившагося отъ грѣха, странникъ—имя шествующаго смиренно и кротко, отшельникъ имя отдалившагося отъ всего нечистаго и злого.

389) Пусть никто не посягнетъ на брахману, но пусть и брахмана не бѣжитъ на нападающаго; горе тому, кто заушитъ брахману, и горе тому, кто бросается на нападающаго.

390) Не мало довлѣетъ брахманѣ, если онъ ревниво освобождаетъ духъ свой отъ жажды наслажденій; когда вполнѣ заглохнетъ въ немъ всякая похоть и всякое влеченіе, вождѣленный конецъ страданіямъ тогда наступитъ для него.

391) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто не соблазнится уже ни чрезъ тѣло, ни чрезъ слово, ни черезъ мысль, — кто крѣпко защищенъ со всѣхъ этихъ трехъ сторонъ.

392) Если человѣкъ постигъ ученіе, преподанное Совершеннымъ, пусть онъ заботливо чтитъ его, пусть соблюдаетъ, какъ брахманы блюдутъ и чтятъ жертвенный огонь.

393) Ни заплетенные въ косы волосы, ни предки, ни родословная не освящаютъ брахману: только вѣрно слѣдуя Ученію, человѣкъ становится вѣрнымъ брахманой.

394) Что въ твоихъ заплетенныхъ волосахъ, безумецъ, что въ твоей власяницѣ? — Ты все заботишься о томъ, чтобы представить чище и блестящѣе свою внѣшность, а внутри тебя—тлѣніе...

395) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто, изнуренный, одѣтый въ рубище, одиноко живетъ въ лѣсу, пребывая въ размышленіи.

396) Нѣтъ, я не назову того человѣка брахманой, который носитъ это имя по происхожденію, — онъ надмененъ и гордъ, онъ всегда стремится только къ земной усладѣ: бѣдный, далекій отъ всякой привязанности къ земному, достойнѣе великаго имени брахманы...

397) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто порвалъ всѣ прежнія узы и побѣдилъ жизнь, кто стоитъ независимый, неколеблемый.

398) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто вырвалъ изъ своего сердца и вражду и жажду, кто сорвалъ съ себя всѣ оковы, кто разрушилъ всѣ преграды, доблестный, пробужденный.

399) Кто терпѣливо и кротко переноситъ обиды и поруганія, — того подвижника терпѣнія, того великаго человѣка назову я истиннымъ брахманой.

400) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто угасилъ въ себѣ гнѣвъ и угасилъ жажду, кто бодръ и могучъ, вѣренъ и доблестенъ, кто кротко и тихо переживаетъ это свое послѣднее бываніе.

401) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, къ кому уже не прилѣпляется жажда наслажденій, какъ не держится капля воды на листкѣ лотоса, какъ не держится горчичное зернышко на остріѣ иглы.

402) Того нареку я истиннымъ брахманой, кто постигъ

конецъ страданій, кто сбросилъ съ себя это тяжкое бремя и стоитъ непотрясаемъ.

403) Того нареку я истиннымъ брахманой, чьи глубоки знанія, кто обрѣлъ мудрость, кому вѣдомъ путь истины и путь лжи, кто достигъ величайшаго конца.

404) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кого, отдаленнаго, не достигнетъ никакая суета, кто одиноко и безстрастно свершаетъ свое земное странствіе.

405) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто благосклоненъ ко всякому живому существу, будь то сильное или слабое, кто не убиваетъ и не причиняетъ смерти.

406) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто — снисходителенъ среди нетерпѣливыхъ, кротокъ среди надменныхъ, свободенъ отъ власти страстей среди порабощенныхъ страстями.

407) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, отъ кого отпали и страхъ и ненависть, и гордость и зависть, какъ спадаетъ горчичное зерно съ острія иглы.

408) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто говоритъ чистымъ языкомъ правды, кто свободенъ отъ жестокости, кто не приноситъ другимъ огорченія.

409) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто не свершаетъ въ жизни ничего, что не надлежитъ быть свершеннымъ, — будь то великое или малое, долгое или короткое, злое или доброе.

410) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто не жаждетъ ничего для себя ни въ этомъ мірѣ ни въ слѣ-

дующемъ, кто навсегда исцѣлился отъ надеждъ и исцѣлился отъ всякихъ желаній, кто стоитъ ничѣмъ неколеблемъ.

411) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кого не тяготятъ никакіе замыслы, кто вѣдаетъ правое, побѣдилъ неувѣренность, кто обрѣлъ правый путь ко спасенію.

412) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто уже выше дурного и выше хорошаго въ этомъ мірѣ, кто не связанъ здѣсь этими узами, кого не коснется ни грѣхъ, ни печаль, ни нечистота.

413) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто свѣтелъ подобно мѣсяцу, кто чистъ и кротокъ, кто угасилъ въ себѣ всякое пустое веселіе и ясенъ духомъ.

414) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто сошелъ съ неправедной стези этой, кто смѣло пересѣкъ этотъ потокъ жизни съ его мечтаніями, кто достигъ уже иного берега, кто—размышляющій и независимый,—недоступенъ сомнѣніямъ и не подчинится склонностямъ, кто навсегда успокоился.

415) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто отринулъ всѣ услады этого міра, кто въ одиночествѣ держитъ вѣрный путь свой, кто угасилъ въ себѣ всѣ желанія и угасилъ всякую похоть.

416) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто не связанъ никакими мечтами и странствуетъ бездомный, навсегда угасившій въ себѣ всякую жажду.

417) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто порвалъ всѣ прежнія связи свои съ людскою толпой и порвалъ

всѣ связи свои съ богами,—кто свободенъ уже отъ всякихъ узъ.

418) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто покинулъ все несущее наслажденія и все несущее страданія, кого не побѣдитъ грѣховное, кого не увлечетъ никакое мечтаніе, кто—герой, побѣдившій всѣ міры.

419) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто вполнѣ разгадалъ это жизнесмертное видѣніе, этотъ колеблющійся обманчивый призракъ, кто до конца сорвалъ съ себя всѣ оковы, блаженный, пробужденный.

420) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, чей неизвѣданъ путь ни людьми ни богами, кто всѣ страсти угасилъ въ себѣ,—святой, совершенный.

421) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто не зоветъ ужъ своимъ ничего здѣсь, не зоветъ ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ, ни въ будущемъ, кто ничего не жаждетъ, побѣдившій всякое влеченіе къ жизни.

422) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто есть великій мудрецъ, непревосходимый въ мудрости, преисполненный въ доблести, благородный, герой, совершенный.

423) Того нареку я вѣрнымъ брахманой, кто вполнѣ постигъ этотъ горькій путь земного блужданія, кто вѣдаетъ небо и преисподнюю, кто притекъ уже къ желанному концу рожденій, совершенный въ знаніи и мудрости, — чьи совершенства всесовершенны.